

Оксана Демченко

ВЕТРЫ ЗЕМНЫЕ

книга 1

Сын заката

Оксана Демченко
Ветры земные.
Книга 1. Сын заката

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23793217

ISBN 9785448504822

Аннотация

Сын юго-западного ветра накопил за долгие годы тучу вопросов и не тяготился их грузом, полагая создание вопросов и подбор ответов забавнейшей из игр, доступных разуму и душе... Игру оборвал смерч разрушительных событий. Сперва казалось – ненадолго. Зачем вступать в мрачные игры людей, где всякий вопрос касается распределения власти, а ответ создается золотом и кровью? Но смерч разрастался, требуя или укрыться и переждать – или же идти против чужого ветра и бороться изо всех сил.

Содержание

Пролог. Танец	5
Глава 1. В погоне за прошлым	15
Глава 2. Башня и колодец	65
Глава 3. Кукла для плясуньи	85
Глава 4. Башня и её тень	115
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Ветры земные

Книга 1. Сын заката

Оксана Демченко

Корректор Борис Демченко

Дизайнер обложки Оксана Демченко

Фотограф Zolotarevs, фотобанк shutterstock

© Оксана Демченко, 2017

© Оксана Демченко, дизайн обложки, 2017

© Zolotarevs, фотобанк shutterstock, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-0482-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Танец

Её непокорные волосы бились темным вихрем. Глаза цвета шоколада вспыхивали неожиданно холодно, хищно. Руки делались то крыльями мотылька, то готовыми ужалить змеями, то трепетными побегами, то клинками, вырезающими сердце...

Босая, она танцевала так, словно камень мостовой раскален добела и нельзя ни на миг прервать движение, подобное полету. И она – парила и порхала, вроде бы не касаясь мостовой. Она была демоном и божеством, отчаянием и надеждой, проклятием и прощением. Плясунья плела волшеббу переменчивого узора, стягивала в узел взгляды, втаптывала в пыль мысли. И растущее безумие стучало изнутри в гулкие ребра...

Площадь, где вершился танец, все теснее заполнялась покорными зрителями. Люди смотрели, дышали безумием... и, поддавшись ему, вливались в единое целое – в многоглазую недвижимую толпу.

На залитой солнцем мостовой само время меняло ход. Расплавленное, оно замирало нетронутой гладью моря, позволяя лишь одной гибкой фигуре парить и трепетать на своей поверхности. Весь мир делался плоским, бесцветным фоном для пламенного буйства танца. Щелчками пальцев плясунья отстукивала ритм сердец. Узорной шалью, как нево-

дом, черпала вздохи...

– Ах!

Плясунья изогнулась в прыжке, свилась в кольцо, соединяя за спиной пальцы рук и ног.

– О-о...

Точеную фигуру плотно оплели кисти шали... Краткий полумиг покоя, трепет рук, подобных ивовым листьям. Площадь не смеет вздохнуть, замороженная! И даже сам ветер, вольный и не неуловимый, круговым потоком обтек площадь, скрутил несколько пыльных вихрей и затих – заколдованный... Ветер оказался выпит вздохом толпы и возвращен на выдохе – пропитанный восторгом, безумный. И такой он более не мог безразлично течь от моря к горам, скользить над крышами.

Ветер задышал вместе с людьми, едва плясунья закружилась, и юбки, рукава, кисти её шали – взлетели языками пламени. Ритм танца скручивался всё туже. Волны вздохов катились, эхо стонало... Глаза сухо, алчно блестели. Пульс жары бился в такт людским сердцам. Танец подманил бесценную добычу! Осталось лишь изловить её, окончательно запутать в невод волшбы.

Блеснула победная улыбка плясуньи: да, свершилось! Более никто не смеет и не может противиться замершему времени. Сбывшийся танец – он и есть жизнь, воля, чудо... Зачем отрицать его или спрашивать о чем-то этих заколдованных и замороженных людей?

Ответ был у единственного, кто оставался не подвластным волшебю.

Он приближался к пылающей танцем площади, беззвучно скользя в тенях улочек, потому что всем опытом, всей болью души знал: волшебба – ложь. Обещанная плясуньей воля – ловчая сеть. Красота танца – яд! И власть, даруемая обманщице всей многоглазой, хрипло дышащей азартной толпой должна быть сломлена! Тогда грязная игра оборвется, тогда невод отпустит добычу... и сам окажется порван. Едва ложь сделается явной, плясунье придется заплатить! Дорого и без снисхождения, но ведь и пожелала плясунья многого и без оплаты! За жадность следует казнить. Нет иного решения: ведь сбывшийся танец – тоже казнь для того, кто будет им изловлен и порабощен.

Он отстраненно слушал азартное дыхание толпы, звучащее всё ближе и ярче, пока спускался к площади. Он двигался ровным шагом, неумолимо. Так и должен идти палач – к месту казни. Он не мстил, а лишь исполнял решение судьи, и потому скрывался под плащом тени... Вот и площадь.

Грифельную черту тени перешагнула нога, обутая в мягкий башмак оленьей кожи. Из тьмы явился гибкий юноша. Лицо его не отметил и первый штрих усиков, а плечи уже обняла рубаша драгоценного алого шелка... на талию был накручен широкий черный пояс, ноги плотно облегли светлые штаны – одеяние, допустимое лишь для нэрриха. Ежик волос на голове – короткий, не шире ногтя мизинца – подтверждал

почти невозможное: да, танец привлек внимание взрослого нэрриха!

Глаза цвета черного чимского шоколада взблеснули так холодно, будто сквозь щель век сквозила сама зима. Тень ресниц притушила огонь танца, бушующего на площади.

Юноша с легкостью рассек тело толпы, – его сторонились люди, его обтекали вздохи, возле него блек восторг и утихало безумие...

Нэрриха приближался к плясунье – и нес ей казнь. Вот он вскинул руки, прынул вперед и влился с танец. Тело юноши безупречно двигалось, а душа оставалась ледяной, безразличной, хотя drobный стук каблуков всё взвинчивал бешеный ритм.

– О-ле! – восхитилась толпа единым дыханием.

Толпа теперь пожирала взглядом двоих – плясунью и нэрриха. Толпа утрачивала слитность. Сплошное многослойное кольцо внимания людей, нанизанное на стержень танца, – дробилось, распадалось...

Плясунья замерла, откинувшись на руку неожиданного партнера, прогнулась, подметая волосами камни, трепеща кистями рук. Блеснул жемчуг зубов, колкий прищур из-под ресниц сжег того, кто дерзко вмешался в волшбу... Но нэрриха не рассыпался пеплом! Лед его взора не согрелся, зато каблуки снова отбили дробь – безумно стремительную, восходящую все выше, почти до разрыва сердца.

Звук оборвался, и никто не смел вздохнуть. Нэрриха на-

метил улыбку сомкнутыми губами. Отточенным движением завершения танца исполнил казнь, внятную ему одному: заправил за ухо плясуньи драгоценную винную розу. Склонился, опуская плясунью на мостовую, освободил руку, обнимавшую её талию – и зашагал прочь...

Танец иссяк. Напряжение общего восторга лопнуло, растеклось шепотами и вздохами, шуршанием подошв и звонном брошенных монет, оплачивающих танец... Эти разрозненные звуки вернули времени право двигаться своим чередом. Толпа распалась, всё обширнее стали множиться обыденные звуки – разговоры, выкрики торговцев... Нэрриха шагал и усмехался. Ему да плясунье, только им двоим, сейчас слышно, как звенит предельно натянутая тетива волшебства – и резко лопается.

Ветер дрогнул, очнулся от наваждения, – и потек к морю темными руслами улочек...

Сразу вернулся запах города, ненадолго оттесненный морской соленой свежестью.

Плясунья фыркнула, вскочила. Она смотрела вслед нэрриха и трогала подаренную им розу. Разочарованная танцем и... очарованная неожиданным партнером.

– Эй, мальчик! Сегодня все мои улыбки – твои.

Нэрриха не обернулся, но замедлил шаг. Вроде бы рассеянно повел плечами – и нырнул в угольную тень под аркой гостерии, вступил в крытый дворик. Остановился, выбирая место и поджидая хозяина, уже спешащего с поклоном

и приветственным бокалом вина.

Тетива волшбы – это знал лишь нэрриха – не рвется легко. Она неизбежно мстит «лучнице»... при обычной стрельбе руку оберегает перчатка. Для плясуньи, согнувшей своей властью толпу в тугой лук, надежна лишь одна защита: искренность чувств. Если её нет, расплата неизбежна... Но если танец был искренним, если нэрриха ошибся, ничего страшного не произойдет. Роза останется безобидным украшением в волосах.

– Не дари то, чем не владеешь, – разъяренный бас покаптался по площади, наполняя её гневливым эхом. – Иди сюда и улыбнись мне.

Женщина рассмеялась, гибко повела плечами в неподражаемом презрении, все без слов говорящем, оскорбляющем. Разве можно ей указывать? Разве посильно её приручать? Разве улыбками хоть кто-то владеет? Даже ветер, запутавшийся в волосах – не избранник, а всего лишь поклонник... Один из многих. Бесчисленных.

– Верни проходимцу розу, – веско приказал тот же мужчина. По камням забряцали подковы его башмаков.

Нэрриха выбрал место и сел у стены. Теперь он сквозь арку входа видел часть площади и мог убедиться в исполнении казни.

Миг назад для той, кому назначалась казнь, было посильно хоть что-то изменить – улыбкой, словом, молчанием... Не сбылось. Ревнивец мрачно глядел на плясунью, нависал

над ней, как лиловая, отягощенная грозой туча – над одиноким деревцем. Он помнил волшбу танца, свою разбуженную жажду – неутоленную, острую. Женщина не обратила внимания на слова и тон, снова рассмеялась, добыла из-за уха розу – дар нэрриха – провела лепестками по шее, вдохнула аромат и сунула короткий стебелек в корсет на груди. Шевельнула бровью: гляди, тут я храню его цветок...

Широкий нож вспорол корсет и вошел под ребра. Брошенный поклонник взревел, выдрал розу, швырнул на камни и растоптал. Кажется, только затем он осознал: смятая, окровавленная плясунья лежит на границе тени и света. Она погасла, утратила краски жизни...

Тишина накрыла площадь. Снова время замерло, снова сила толпы проснулась – но теперь её создал не восторг, а ужас... Люди смотрели на плясунью, не дыша! Сам убийца в отчаянии глядел на свои руки. Прослеживал тонкие ручейки крови, рисующие узор смерти в трещинках мостовой...

Нэрриха хлебнул прохладного вина и откинулся на спинку плетеного кресла. Прикрыл глаза, слушая тишину людной площади и вздох вольного ветра – прощальный.

– У вас, надеюсь, найдется достойный тагезский сидр? – нэрриха взглянул на содержателя заведения. – Еще сыр с зеленью и маслом, хлеб, оливки. Любезный, вы слышите меня?

– Убил, – шепотом ужаснулся пожилой владелец гостерии, по шажку приближаясь к арке и глядя из тени в горячий день на площади.

– Неосознанный порыв, – поморщился нэрриха. – Случается.

Хозяин гостерии сощурился, едва различая гостя: после солнца он, пожалуй, мог видеть лишь зеленые круги и старательно их смаргивал, смаргивал... Наконец, рассмотрел. Опасливо передернул плечами, прогоняя невольный озноб. Распознал покррой рубахи и прочие признаки.

Конечно, всем в Эндэрре и за ее пределами ведома жутковатая слава нэрриха – «клинков воздаяния». А кто еще носит алый шелк при черном поясе? Да только подлинных нэрриха мало, исчезающе мало! Немыслимо, чтобы в ничтожном городке объявился такой. Настоящий... и что же, он оказался – юнцом без усов? Во взгляде хозяина гостерии обозначилось осторожное неодобрение. Снова его внимание приковала площадь: вон набежала стража, убийцу вяжут... а он, не помня себя, кричит, умоляет мертвую плясунью простить, требует хоть теперь выбросить чужую розу.

– Жаль несчастного, – с дрожью в голосе отметил хозяин гостерии. – И её жаль.

– Каждый обязан платить по своим счетам, – ровным тоном предположил нэрриха. – Жаль тех, на кого хитростью переваливают чужую вину, вынуждая к оплате и не предоставляя рассрочки. Пляска – воистину ересь, тут я согласен с Башней. Эта девица не первый раз будила людской шторм на площади и прельщала вольный ветер, желая поработить его. Доигралась... Вы слышали мой заказ? Или я должен по-

вторить?

– Креветки, да...

– Нет. Тагезский сидр, непременно холодный. Сыр с зеленью и маслом, лепешка. Но – ладно же, пусть будут и креветки тоже, – юноша усмехнулся, легко делая одолжение. – Приготовьте комнату. Может статься, я задержусь. Пригласите посыльного. Подберите мальчишку пошустрее, и чтобы знал порт.

– Ваши вещи... – наконец-то хозяин гостерии запретил себе далее следить за трагедией, все еще длящейся на площади, и склонился к гостю.

Нэрриха негромко рассмеялся, выказывая, сколь забавна для него, наблюдателя, неуклюжесть собеседника.

Люди порой говорят: «Легок на подъем, как нэрриха». Разве имущество и привязанности допустимы для таких – вечно пребывающих в движении? Нэрриха, именуемые также клинками воздаяния, не знают жалости, как не ведают и приязни людской, не зря во многих проклятиях, призываемых на голову врага, упоминается «алый бес» – нэрриха. Бездушный нелюдь... Тот, кто имеет право и силу взглянуть в глаза самому ужасному беззаконию, черному и чудовищному.

– Мои вещи при мне, – продолжая забавляться, юноша подбросил на ладони мешочек, звякнувший монетами. – Вот они. Неужели вы готовы взять их на хранение? Как необычно.

Хозяин гостерии поперхнулся и побагровел, отмахнулся от гостя, как от чумного – и опрометью метнулся исполнять заказ. Нэрриха не привечают, не числят в друзьях. Однако страх перед ними воспитывает в людях вежливость куда вернее добрых дел...

Глава 1. В погоне за прошлым

Рулевой пузатой шхуны икнул, шало осмотрелся... и приметил вдали бегучую тень.

В силу понятных обстоятельств шхуна с несвежим уловом благоразумно бросила якорь в стороне от главных причалов и рейда. Распространяемый из трюма могучий селедочный дух пропитал воздух гнилью и специями, и теперь сам этот воздух, пожалуй, годился для закуси и вместо таковой. Рулевой, глубоко вздохнув, похмелился... и сплюнул за борт.

Силуэт неурочно спешащего корабля внятнее прорисовался в тумане. Рулевой шхуны – случайный свидетель чужого ночного плавания – повозился на палубе, утверждаясь на нетвердых ногах, снова сплюнул за борт и буркнул с насмешкой, упрямо выговаривая слова:

– Эй, на бла... бл... блыховозке, примите груз!

Ему сказанное показалось очень смешным. Воистину: еще один смачный плевок – и невесомый кораблик затонет! Он и в порт-то скользнул совсем тихо. Узкий, легкий, созданный для скорости, не несущий могучего вооружения и многочисленного войска.

Проморгавшись, рулевой начал щуриться и клониться к палубе, прослеживая похожий на призрак в ночи низкий борт, скользкий мимо.

Единственный на весь порт и к тому же нетрезвый наблю-

датель все поворачивался, взглядом следуя курсу кораблика. Превозмогая тошноту и головокружение, рулевой тщетно пытался прочесть на корме название. Хмельной котел головы без спешки вываривал мякоть мыслишки: а как эдакая блоха умудряется двигаться в штиль? Весла бы плюхали. Лодок, которые могли бы буксировать кораблик, рядом нет, а галеры имеют иную форму, вдобавок каторжане-весельники воняют так, что гнилая рыба покажется спасением... Но запаха нет, как нет и шума. Туман вон – даже не вьется над водой, висит толстыми селедочными полотнищами, вытрезвляет до срока...

– «Гарда»? – не поверил себе рулевой, прочтя-таки название. Сразу охрип и мешком завалился на палубу. – Чур меня...

Тряхнув головой, случайный свидетель вскинулся, беспорядочно цепляясь за что попало, ворочаясь и ругаясь.глянул на мачту. Почти решил лезть вверх и снова искать взглядом невидаль, надеясь то ли рассмотреть легендарный люгер во всей красе, то ли убедиться, что ночное привидение – небыль... Но туман уже сомкнулся, не пожелал делиться тайнами.

Люгер «Гарда» так же беззвучно продолжил путь, роняя редкие капли с трех пар весел и только звуком их падения обозначая себя. Самый быстрый кораблик Эндэры, несущий едва ли не наилучший набор парусов, управляемый почти что силой мысли – и ничтожным по численности экипажем.

Он возникал внезапно и так же пропадал, полня копилку слухов нелепейшими подробностями. Ведь ничто не украшает рассказ так, как домысел.

Моряки с люгера, по слухам, не живые люди: вроде бы ни разу они не пили в портовых забегаловках, не гуляли на берегу – по крайней мере, о них не удавалось выведать соленных историй. Более того: капитана не знали ни в лицо, ни по имени, хотя примет могли указать немало, от дьявольской усмешки – до коротких рогов, надежно спрятанных в курчавых волосах... Само собой, трезвые слушатели посмеивались над подобными рассказами, а вот пьяные их распространяли, да еще истово творили знак замкового камня и божились, что всё правда! Самые умные предпочитали помалкивать, сторонясь болтунов: экипаж люгера, в конце концов, не так страшен, как его пассажиры. Но даже пассажиров обсуждать не столь опасно, как помянуть без надобности имя истинного владельца «Гарды». Оно ведь и неназванное читается в многозначительном молчании и взглядах-намеках, обращенных вверх...

Между тем люгер, как охотящаяся кошка, не делая ни единого лишнего маневра в кромешной ночи, шел к цели, плавно переставляя лапы-весла. Цель указывал узкий, как бритвенная прорезь, луч масляного фонаря, накрытого кожухом. Когда в тумане обозначился борт лодки, этот луч прочертил нитяной блик на темной воде и нарисовал рыжий штрих

на носовой фигуре люгера – обнаженной острогрудой русалке с клинками в отведенных за спину руках.

В крохотной лодке стоял один человек. Он подавал знак и ждал подхода люгера, а теперь повернул фонарь, дав морякам рассмотреть свое лицо – совсем молодое, безусое. С борта протянулась рука. Юноша отдал светильник, затем длинный сверток – кожаный, плотно увязанный и, видимо, не особенно тяжелый. Наконец, пассажир одним движением качнулся вперед и вспрыгнул на палубу «Гарды». Прошел на корму, вежливо кивнул капитану.

– Тот, кого я преследую, утром отплыл к Льерским островам. Он нанял «Ласточку», если верить портовым болтунам.

– Шхуна знакомая. Ветер переменялся на закате и благоприятствует нам, – задумался капитан. – К завтрашней ночи догоним, если погода не упрется. Твоя каюта, прошу.

Юноша кивнул и пошел следом за капитаном, всматриваясь в его широкую спину и словно вопрошая её о своем, невысказанном вслух.

– Тебе нравится спать в ладонях моря, – почти отечески, даже ласково, отметил капитан. – Разбудить к полудню, да?

– Всё знаешь, хоть я ни разу не допустил любопытства по отношению к себе, – отметил пассажир. – Иногда спокойнее не знать.

– Любому из нас ведом страх. Этот – не худший, – капитан отворил дверь и указал рукой в темную каюту. – Прошу. Но, если у тебя есть безопасный для меня вопрос, буду рад

ответить.

– Безопасно в моем случае лишь молчание... Скажи, ты был хоть раз счастлив по-настоящему? Не на миг и не пьяно, не отчаянно и безумно, а – тепло.

– Когда «Гарда» летит, едва касаясь волн, у меня есть цель и я принадлежу полету, – сразу отозвался капитан. – Мы делаемся едины. Мы лучшая гончая Башни, призовая. Мы – я, команда и «Гарда». Это смысл и счастье.

– И все? – вроде бы расстроился пассажир, сгинув в непроглядности мрака каюты.

– Еще моя Анита, – смутился капитан и совсем тихо прошептал, поясняя. – Она совсем мала, но всякую ночь прилежно жжет на подоконнике лампадку, называет её маяком. Любому кораблю нужны якорь и бухта, иначе он делается призраком. Нэрриха, тебе не страшно жить без якоря?

– Жить – да, быть – нет...

Дверь каюты качнулась, обрезая разговор. Каждый его участник, как и много раз прежде, остался при своем. Юноша выскользнул из шелка рубахи, уверенно прошел в темноте к койке, сел, расшнуровал башмаки, размотал широкий пояс, обернутый несколько раз вокруг талии. Стянул штаны и лег на пол, прикрыв глаза и припав ухом к доскам. Он не желал слушать сердце, когда рядом звенит вода. Темная, свободная, выглаженная ладонью слабого попутного ветра. Разве вода знает страх бытия? Разве есть смысл спрашивать, живет ли ветер? Стихии существуют изначально, они – суть

мира, им не нужны ни якорь, ни бухта.

Нэрриха прикрыл веки. Он нехотя уступал утомлению и признавал: сон неизбежен. Сон составляет весомую часть проклятия жизни, которая однажды смогла изловить тебя, лишит воли и подлинной сути.

Сон, как ни гони, подкрадется и утащит в пучину. Сперва покажет свет, а затем отомстит, ведь в этой жизни ничто не дается без оплаты.

Вода на ладонях волн, обнимающих днище, зазвенела веселее. Далеко, в дремотном видении, вода обрела яркость бирюзы, обожгла взгляд бликами солнца невозвратного дня... Того самого первого осознанного тобою дня, давным-давно канувшего в прошлое. Вода помнит все, в отличие от ветра. Может быть, за это стоит уважать её. Особенно если память, израненная, едва живая – всё же не попытка...

Солнце давно минувшего дня снова, по воле памяти, стояло в зените. Мир был наполнен томлением и восторгом. Волна взметнула пену смеха, как пригоршню щедро даримого жемчуга. Ветер подхватил подарок, подбросил выше. Он перекачивал в своих струях радуги счастья, играл каплями брызг. Ветер тёк широкой рекой по синему руслу моря, стремился к берегу, желая впитать его запахи и наполниться шумом города, болтовней людей и пением птиц. Ветер тек, и не было для него смысла в человеческих делах.

Что такое счастье? Горчит ли горе? Глубоки ли потемки души? Эху безразлично, что за крик оно дробит и искажает,

играя в ущелье. Бытие ветра не схоже с людским. Настолько, что порой делается занятно оценить разницу.

В городе шевелились интересные звуки. Ветер тек все медленнее, впитывал их, гладил нагретые крыши, шуршал суховатой листвой. Но – что это?

Надтреснутый звук виуэлы. Единое дыхание толпы пьет крупные глотки ветра, чтобы вернуть их в крике: «А-ах! О-ле... О-о-о».

Щелчки пальцев сперва отсчитывают, а затем требовательно задают ритм. Вносят в ветер биение сердец – новое ощущение, ставшее на миг внятным... тревожное – чуждое и манящее.

Ветер докатился до крепостного вала скал за городом, оттолкнулся... Дать себе возможность без спешки кружить в долине, шелестя листьями, взбивая пыль в лабиринте улочек. Ветер качнулся было к морю, но не покинул города: дыхание толпы тянуло, жгло новым ощущением – любопытством... Он поддался, спустился к площади. Бережно, как морскую волну, тронул волосы плясуньи. Погладил – и запутался, слыша лишь её дыхание, ее сердце!

Мир схлопнулся! Мир вывернулся наизнанку. Мир весь сосредоточился в крохотной капле, дрожащей во тьме. Так ветер утратил волю и первый раз познал страх бытия.

– Нет!

Сон сгинул, едва нэрриха сквозь стиснутые зубы просто-на-отрицание – бессмысленное, запоздалое. Тело корчилося

на полу, помня давнюю боль. Нэрриха зажимал уши, пытался отгородиться от своего постоянного кошмара. Не преуспев, он встряхнулся, встал, презрительно скривился. Снова он очнулся в поту, даже короткий ёжик волос на макушке холодный, влажный. Горечь донимает душу, спазм боли прокалывает сердце... Приходится знакомым, много раз пройденным путем, ступить два шага до столика, нащупать в гнезде у стены кувшин с водой. Жадно выхлебать половину и вылить на макушку остальное.

– Это лишь сон, – утешил себя нэрриха.

Он вернулся к койке, забился в угол, сбросив вещи на пол. Увы: он снова оказался слаб, снова плотно зажал уши ладонями, чтобы вымерять ночь лишь ударами пульса. Слушать свое сердце противно, оно – напоминание о бремени жизни. Но кошмар сна и того тягостнее.

– Некоторые хранят и чужую память помимо своей, знают все ответы, – юноша пожаловался темноте. – Зато я нашептал себе, пожалуй, все вопросы и желал бы их забыть... Почему вопросы и ответы не летают одной стаей?

Он невесело рассмеялся. Этот вопрос тоже был старым, знакомым – и безответным.

Сердце гудело, заполняло сознание эхом кровотока, вытесняло кошмар во внешнюю тьму за плотно задернутыми занавесями век. Сердце было союзником в утомительной борьбе за право отдохнуть. Завтра – непростой день, люгер достанет шхуну и придется исполнять то, что обещано на-

нимателю. Смешные люди! Им нэрриха кажется ряженым в алой рубахе. Хотя та рубаха – лишь дань традиции и признак найма.

Нэрриха усмехнулся. Он больше не юнец, давно избыт обычный долг подобных ему – бремя первого круга жизни. Так почему же он снова в найме, почему добровольно продолжает... Стоп! Хватит вопросов. Покой куда проще счастья. Этому он научился: отдых можно обрести усилием воли.

Мир – шкатулка с потайным карманом в дне, прячущим карман, содержащий очередную запертую на ключ тайну... Пока ты часть целого, тебя по сути нет. Но, стоит осознать свое «я», и единое распадется, и ты не будешь в силах понимать ни его – внешнего, ни себя – вместилище внутреннего мира. Впрочем, можно ли назвать миром то, что не содержит покоя и тем более счастья? Только разочарование, сомнение, неустроенность. Слишком много «не», чтобы обрести опору. «Не» – это толстенная стена, ограждающая – и закрывающая обзор. Это бессилие принять жизнь.

Нэрриха скрипнул зубами. «Сколько вопросов», – шепотом пожаловался он. Сразу захотелось задать новые. «Спать!» – строго велел себе нэрриха.

Утро пришло ветренное, румяное. Нарисовало на стене два слоистых розовых прямоугольника – след окна с горизонтальной перекладиной и драгоценным прозрачным стек-

лом – и взялось двигать вниз этот нехитрый узор.

Нэрриха лежал, полуприкрыв веки, слушал ветер в парусах и радовался своей расслабленности, сбывшемуся отдыху. Забавлялся: где-то там, безмерно далеко, солнце натужно ползет, рычагом луча изо всех сил толкая по стене прямоугольник света. Можно и так описать внешний мир, если счесть себя центром вселенной...

– Круче к ветру, – негромко буркнул голос капитана вне каюты.

– Но – курс, и опять же...

– Учу-учу, а проку нет. Ты слизняк береговой, – посетовал капитан. – Ты мозгляк и мозгуешь без устали, математику постиг насквозь, лучше моего считаешь курс по карте. А душа где? А это, ноющее, насадившее на крюк всякого из нас за наши жабры, вот здесь?

Было слышно, как капитан гулко, не жалеючи, стукнул себя в грудь. В ответ некто вздохнул со всхлипом.

– Ты должен дышать морем, будто заимел жабры! Ты не тварь двуногая, а душа корабля. Должен ощущать бортами воду и хрустеть всеми легкими, потому что они – ткань парусов. Ты должен влюбиться в «Гарду», а не заглядываться на портовых девок! – не заботясь о покое пассажира, грохотал капитан.

– Но как же человек...

– Ты не человек! Ты капитан ненародившийся еще, зачатковый. А капитан этому люгеру – и душа, и ум, и до-

полнительный парус... Который раз повторяю, шишку набил на языке, а ты все не умнеешь. Покуда не поймешь, толку от тебя не более, чем от пены на палубе. Глянь, как шипит, а всего запалу в ней на один плевок.

Нэрриха улыбнулся, плотнее прикрыл глаза. «Гарда» – молодой корабль. У него не было иного капитана, и этот, кажется, – незаменим... Сразу в сознание вполз холодок: однажды, очередной раз взойдя на борт в очередном порту, можно не застать на люгере привычного человека. Вот уж правда – он и душа, и дополнительный парус. «Гарда» с ним умеет летать. Потому что пожилой моряк знает, что такое счастье, он свободен душою...

– Боязно мне, вот и сомневаюсь. Этот... нечестивый, – шепотом уточнил собеседник капитана, вполне определенно намекая на пассажира, – мне отец рассказывал: нэрриха явлены в мир тайною силою Башни. Они обременены нерушимым долгом, но в оплату за тот долг имеют и право. Всякого человека им дано карать по усмотрению, если они в найме. А еще имен у них нет, и в бою они делаются зверьми.

– Глупости нашептывать ты горазд, – возмутился капитан. – Спишу на берег. Как есть – спишу! Души не замечаю, сухой ты до доньшка. Не пропитался морской солью, не окреп. Ну и разумения своего нет, что куда хуже...

– Не надо на берег!

– Говорили ему! Папаша твой – опарыш чернильный, у него свои-то мысли все в кляксах, а чужие и вовсе криво

записаны. Сам гляди, сам думай, а язык – проглоти, ясно? Нашел чудеса на мелкой воде... – бормотал капитан, по тону было понятно: он не злится, лишь страшает. В целом же доволен помощником. – Тут эдакого насмотришься, что или камень на шею и топись, или отвыкай крутить сплетни, ты не баба.

– Два румба право, – помощник решился выкрикнуть команду невзрослым срывающимся голосом, готовым дать пеху.

Капитан рассмеялся, звучно хлопнул по коже куртки и зашагал в сторону каюты, оставив помощнику право и дальше распоряжаться люгером.

– Ноттэ, – негромко окликнул капитанский бас от самой двери. – Упрешься и до полудня проторчишь в норе, или как?

– Или как, – отозвался нэрриха, быстро одеваясь. – Ты запомнил мое имя? И не проглотил язык?

– Утро бодрое, ветренное, – вроде бы невпопад отозвался капитан, не желая слышать сказанное. – Тебе понравится.

– Так... Что же мне не понравится? – нахмурился Ноттэ, затянул узлы шнурков и шагнул к двери.

– Лет десять тому сложилось у нас дело, накрепко схожее с нынешним, – поморщился капитан, кивнул вместо приветствия и без промедления перешел к важному, указав на горизонт. – Помнишь? Облачный узор один в один. Тот раз имелась впереди шхуна. Мы шли за ней к островам, а потом

узнали: она сменила курс, сгинула. Не мое дело спрашивать вопросы, но ежели мы вдругорядь гоним того ж зверя...

– Того самого, полагаю, – согласился нэрриха. – Значит, при нём сговорчивая плясунья. Или же он крепко перерос меня в опыте, а я не уследил... погоди, попробую послушать и понять.

Нэрриха замер, прикрыв глаза и подставив лицо ветру. Неровному, с пьяными порывами, какие обдирают пену с волн, как цветы для букета. В общем-то, так и есть: танец еще длится. Незрелый, но уже наполненный ядом очарования. Определённо: враг не сам говорит со старшим, он воспользовался посредничеством человеческой плясуньи. Ноттэ скрипнул зубами, оскалился и уверенно указал направление.

– Там наша дичь. Ты окликнул меня в самую пору. Ветер меняется, они легли на новый курс.

– Пока не примечаю перемен.

– Полосой задувает, им в пользу. Сюда перемена докатится к полудню, не ранее.

– При боковом будем вычерпывать бортом море, – капитан весело блеснул глазами, ничуть не огорчившись новости. – С парусами пособишь, пассажир?

Ноттэ позволил себе улыбку. С парусами – всегда. Есть в морской работе нечто волшебное, наизнанку вывернутое и оттого притягательное. Паруса ловят ветер, а он – нэрриха, сам из ветра сотканный – станет придавать ловушке наилучшую форму... Ноттэ снял рубаху, башмаки, швырнул то

и другое в каюту. Теперь на пассажира, нет сомнения, украдкой косился новый помощник капитана. Еще бы... «Клинок воздаяния» – никто толком не понимает, что прячется под покровом слов, давным-давно придуманных грандами Башни. Но не это же щуплое тело юноши! Какой из него – клинок? Годен ли он вообще для боя? А если обращается в зверя, почему на спине нет шерсти, о ней-то солидарно упоминают все сплетни!

Ноттэ усмехнулся, прошел на нос люгера, шагнул на выдвинутый полностью бушприт. Пусть глазают. Да, тело выглядит так, как выглядит. Это не важно, и никогда не было значимо.

Пена расцвела пышнее, ветер смахивал белые цветы брызг, как разудалый косарь, охапками. Люгер менял курс, клонился на борт и стонал всем корпусом, приноравливаясь к ходу. Теперь он резал волны по косой, опасно кренясь в прорехи водяных ям. Капитан сам встал у руля, выгнав наверх, управлять парусами, всю команду.

«Гарда» – воистину лучшая гончая Башни, мчалась по следу осознанно и азартно. Ноттэ ощущал кожей, что ветер уважает пожилого капитана, сросшегося с люгером всей просоленной, задубевшей морской душой. Еще нэрриха опасно косился вперед – туда, где ему чудилась тень.

Враг ускользал от встречи много раз, он был опытен и удачлив. Он полагался на свои расчеты: настоящие нэрриха редки, и сейчас никто из них не вершит путь в первом круге,

избывая долг. Значит, Башне некого послать в погоню. А если бы и имелся молодой, если бы долг первого круга вынудил его к участию в преследовании – не беда, опыт беглеца велик, следовательно, заранее понятна его победа в схватке. Наниматель шхуны мог бы всерьез опасаться лишь немногих подобных себе, взрослых – таких, как Ноттэ. Но их трудно нанять. А подделки в красных рубахах истинному сыну ветра не опасны.

Ноттэ нахмурился. Если все верно, если враг не ждал серьёзной погони, тогда как понять то, что на его шхуне имеется плясунья? Случай? Недосмотр грандов Башни, не раскрывших перед самим Ноттэ подробности, осложнившие бы его добровольный найм? Или – прямой умысел этих самых грандов, затеявших большую игру?

– Мудрят, – Ноттэ покривился, смахнул с лица соленую пену.

Он знал, конечно же, о привычке грандов умалчивать. Использовать временных союзников вслепую, будь то люди или нэрриха. Да, у Ноттэ есть счет к соплеменнику, старый и весомый. Он в деле, потому что пожелал забрать жизнь врага и счел ее годной оплатой найма. Он ожидал от грандов если не честной игры, то хотя бы внятных сведений. Но премудрые служители, кажется, в очередной раз перемудрили...

Любой житель Эндэры скажет, что плясуньи в большинстве цыганки, и вера их сомнительна. Волшба же – прямая ересь. Духовные законы прямо гласят: следует пресекать та-

нец и искоренять ересь тех, кто творит бесовство. Тексты, что зачитывают на площадях, общедоступны. Но есть и тайные указания самого маджестика. Их суть прекрасно знают нэрриха с опытом, уже привычные к многослойности, противоречивости толкований законов и форм их применения. Башня гласно отрицает волшбу плясуний, но не пресекает сам танец, совсем как недавно, в порту. Башня следит и ждет: если исполнится волшба, гранды первыми постараются прибрать к рукам силу поработанного ветра. Гранды, а не плясунья, разыщут новорожденного нэрриха, и, вынудив к клятве, взыщут с него долг первого круга...

Лишь к полудню следующего дня крылья «Ласточки» – её паруса – мелькнули у горизонта и на миг сделались видны с гребня волны. Команда «Гарды» приняла известие без радости. Люди устали, утратили азарт погони. Ночью пришлось еще раз резко менять курс, злой ветер уже не забавлялся с пеной, не насвистывал легкомысленных песенок. Он ломился в паруса, как праздничный бык – рвать, мстить. Ноттэ понимал штормовой гнев, как никто иной: на палубе шхуны повторился обманый танец, но фальшивка была распознана! Ярость ветра, стряхнувшего мгновенное очарование, всегда бывает огромна. Тем более паруса рвет свирепый северный, он, согласно древним верованиям народа Эндэры, старший в семье ветров. Вон как нахмурены грозные брови туч. Вряд ли плясунья звала этот ветер, – предполо-

жил Ноттэ, – он явился незваным, чтобы взглянуть на своего сына-предателя: на взрослого нэрриха, спровоцировавшего волшбу.

С кормы капитан рявкнул команду убирать паруса и умерять ход. Люгер взобрался на новый вал, вырвался из воды весь, взлетел – и стал рушиться в ущелье меж волн. Ноттэ уступил место моряку и, перебирая руками по канату, направился к главной мачте. Обнял её, закрыл глаза и подставил лицо ветру. Усмехнулся устало: очень может быть, многие нэрриха стригут волосы коротко, не желая позволять старшему гладить их. Нет в упрямом ёжике вольности! Даже мокрые насквозь пряди топорщатся, а не выются на ветру.

Северный ураган бил «Гарду» порывами, и всякий раз чуть менял направление. Ноттэ вслушивался в гнев, впитывал его, стараясь пропитаться насквозь. На краткий миг удалось, и нэрриха выпил ветер крупным глотком, вместе с его болью и гневом.

– Гнев – не твой удел, оставь людям столь жалкое, – Ноттэ выдохнул просьбу, не надеясь быть услышанным. Упрямо потряхнул головой и крикнул громче: – Гнев – сеть ловчая! Разве тебе не мила воля? Весь мир твой, вот и иди с миром.

В щели меж туч внезапным чудом мелькнула синева. Золотой луч пробился из зенита до самых штормовых волн, воспламенил парус яростной белизной. Ветер взревел, издеваясь над подсказками жалких двуногих... Ноттэ скорчился у мачты, не выпуская канат из рук. Он хотя бы попытался.

Но старший никогда не был склонен слушать и тем более слушаться, да и не родной он – северный – для Ноттэ, обременённого и ограниченного уделом человекоподобия...

Парус хлопнул и провис, руки сами крепче сжали канат, ожидая шквала. Обошлось.

Утомленный работой и убеждением шторма, Ноттэ – сын западного ветра – сидел, прижавшись щекой к основанию мачты. Слушал, как в борта бьет жесткая опасная вода, впитавшая гнев старшего из ветров. Ловил на свободную ладонь прядь дуновения, усмехался и пробовал гладить её, словно нэрриха посылно гладить вольный ветер. Ледяной гнев проник в легкие с брызгами пены, отравил разум. И все же Ноттэ упрямо продолжал уговаривать строптивца.

Нэрриха очнулся по-настоящему лишь когда был накрыт плащом и без церемоний водворен в каюту, Там его стали кутать в шерстяное одеяло и упаивать горячим вином, не слушая возражений и пресекая их вескими подзатыльниками.

– Однако ж, ты вырос, в первый раз переспорил его, – ласково гудел капитан, время от времени прекращая ругань. – Еще полкружечки, за «Гарду». Молодец. Теперь ложись и дрыхни, недомерок. Хотя... Знаешь, я бы взял тебя в команду.

Это была высшая похвала в устах капитана. Ноттэ рассмеялся, прекратил последние попытки сопротивления. Расслабился, затих под одеялом.

– Когда будешь готов? – деловито уточнил капитан.

– Нагоняй помаленьку, – предложил нэрриха, зевая и не разлепляя век. – Никогда еще в таком пьяном виде не дрался с подобным себе.

– Сосунок! Вспомнить бы, когда я задираю и тем паче бил хоть кого – трезвый... Думаешь, он вроде тебя, настоящий?

– Не в точности вроде меня, раз вывел из покоя ледяной ветер, – прикинул Ноттэ, из-под век покосившись на моряка. – Но настоящий. Людей убери с палубы, когда следует. А то сам знаешь, разгуляемся – посечем кого... нечаянно.

Капитан хлопнул по плечу и ушел, не прощаясь и не желая удачи. Это тоже было привычно, так они уговорились давным-давно. Ноттэ плотнее сжал губы, прогнал ползущую льдинкой к затылку мысль: увы, другой человек однажды встретит в порту и налаженный ритуал рухнет! Недоумки возьмутся фальшиво желать удачи, выкажут страх. К парусам не допустят: как-никак, важнейший пассажир.

Не время для пустых домыслов. Следует просто лежать, позволяя сознанию плавать в тумане опьянения. Умеренного, даже приятного, затягивающего в полудрему. Руки нагрелись, дыхание выровнялось, усталость осела водной пылью далеко за кормой, в прошлом...

Теперь он готов, пора исполнить договор найма. Для начала – распаковать тюк, проверить клинок и подобрать к нему дагу. Снова прикрыть глаза и выслушать себя. Не ветер, не волны и даже не сердце, но именно и только – себя. Ноттэ усмехнулся. Если бы он научился еще и понимать себя...

Но – пока не дано.

Чужой ледяной гнев, впитанный из ветра, с трудом отделяется от внутреннего настроя. Гневаться нельзя. Подобных себе лишь трижды за все время он встречал с оружием, намереваясь окончательно устранить. Всякий раз это было невероятно тяжело – пережить встречу. Не зря говорят: одолеть и тем более угасить нэрриха способен только равный. Приняв в расчет плясунью и опыт беглеца – стоит ли рассчитывать на равенство?

По палубе загудели шаги многих ног. Капитан исполнил требование. Паруса закреплены, руль тоже. «Гарда» скользит, не получая новых указаний, и кому бы их дать, если команда в трюме?

Нэрриха прошел к двери. Открыл её, кивнул последним людям на опустевшей палубе – капитану и стоящему рядом с ним пацану, новому помощнику. Пропустил обоих в каюту, убедился, что дверь закрыта.

«Ласточка» была совсем близко – по правому борту, еще впереди, но теперь она опережала люгер всего-то корпусов на десять. Нэрриха прищурился, осматривая шхуну. Ноттэ давно выбрал для себя: он предпочитает встретить противника здесь, на пустой палубе. Зачем вовлекать в дело посторонних людей? Мерзко это.

Пять корпусов. Видны лица моряков «Ласточки», напряженные, бледные. Что бы ни наплел им подлец, алый шелк

рубахи и короткая стрижка, два клинка и «Гарда» в придачу – такой набор отменяет любые договоренности! Разве что золото осилило и здравый смысл, и страх перед служителями Башни, и уважение к закону божьему и людскому. Ноттэ улыбнулся. Он не совесть, тем более не милосердие, он – нэрриха. Тот, кто имеет право карать по усмотрению, в особенности теперь, в найме.

– Вико, мой враг не принял приглашения, – негромко сказал нэрриха, вслух признав: он тоже не глухой, давно разобрал имя капитана. – Я ухожу. Будьте у правого борта шхуны, когда следует.

Шерстяные кипы облаков разметало. О недавнем гневе ветра напоминала лишь сизая мрачность неба и серая холодность моря, измятого волнами, как жирная луговина – кротовыми кучами. Нэрриха прошел по мокрой палубе на нос, одним движением взлетел на бушприт люгера, по-прежнему выдвинутый до предела. Танцующей походкой Ноттэ достиг его окончания, еще раз глянул на шхуну – враг не пожелал даже показаться – упруго оттолкнулся и скользнул вперед и вниз, выбрав подходящую кротовину-волну с пушистой кочкой пены.

Одно касание, рывок, полет... Сомнение недопустимо, оно слишком уж человеческое, оно тянет вниз. Вторая кочка-волна. Рывок. Третья волна...

Говорят, жил когда-то нэрриха, который умел перебегать весь широченный залив Щербатой Луны. Но, надо полагать,

это сказки. Исполнить кряду более семи прыжков по воде самому Ноттэ пока не удавалось. Каждый следующий полет труднее и короче предыдущего, каждый толчок о волну вынуждает погружаться глубже. Отнимает силы.

До «Ласточки» пришлось сделать шесть прыжков, последний утопил по колено, однако Ноттэ совладал, последним усилием взлетел на борт, пользуясь дагой, как когтем. Еще один корпус удаления – и он бы оплошал. Расчет правит бо-ем. Расчет, но никак не безумие.

Перед нэрриха склонились, не смея оспорить его право приказывать, так ярко обозначенное способом посещения шхуны.

– Где? – уточнил Ноттэ, по одежде и поведению выбрав главным рослого моряка, замершего у кормовой надстройки.

Тот не отозвался, лишь указал дрогнувшей рукой на трюмный люк. Сразу и резко. Слишком быстро, – отметил нэрриха краем сознания, но к люку все же пошел. Если сейчас опасному гостю выдают место пребывания плясуньи, это допустимо. Никто более не стал бы прятаться в трюме, подобное укрытие не обеспечивает преимуществ в предстоящем бою... Ноттэ шагал к люку, но с каждым шагом происходящее все более смахивало на ловушку. Хотя уверенности в подвохе нет: глупо пытаться скинуть в трюм и запереть на замок нэрриха, он любому человеку – непосильный враг. Хотя... люди мало знают о настоящей силе нэрриха, зато склонны переоценивать свои возможности. Особен-

но изучая грядущее в отблесках золотых монет, прибранных к рукам.

Ноттэ сделал еще шаг, отметил напряжение плеч моряка с попорченным болезнью бугристым лицом, излишне красным, пятнистым от возбуждения. Человек качнулся вперед и сделал это стремительно по своему счету времени. Ноттэ усмехнулся: всё же ловушка.

Одним настильным шагом Ноттэ оказался рядом с капитаном шхуны. Заглянул в игольные щели зрачков, прячущих правду, но не способных утаить страх.

– Где мужчина, нанявший твою шхуну? – внятно выговорил нэрриха. – Пока нужен только он, не меняйте моих решений.

За спиной сопели, подкрадываясь старательно и неумело. Нэрриха разобрался с угрозой, не оборачиваясь. Вряд ли кто-то заметил движение длинного клинка в его правой руке. Зато глаза допрашиваемого сделались стеклянны от ужаса: он оценил результат. Рваную рану на горле одного неудачника и вспоротый бок второго...

– Где? – громче повторил нэрриха, заглушая булькающий хрип. Сделал движение вперед и влево, чтобы пропустить тяжелое тело, падающее мешком. Глядя все так же в упор, указал клинком на ближний труп и добавил: – Ему золото уже безразлично. Ты следующий.

Капитан икнул и стал оседать на колени, подвывая от ужаса. Ноттэ поморщился: да, «Ласточкой», к её несчастью,

распоряжается ничтожество, до краев наполненное страхом и жадностью. Но что вынудило недоумка сперва лгать, а после молчать? Смысл происходящего логически непонятен: люди тянут время, рискуя жизнями. Значит, их держит страх, равный по силе страху перед самим Ноттэ? Вывод напрашивается: некто приказал увести своего врага от борта, пообещав только тогда покинуть шхуну... Моряки приняли его приказ, ведь один нелюдь, пусть и обозленный – лучше, чем два.

Ноттэ метнулся к борту, опасаясь увидеть подтверждение догадки – увы, оно нашлось сразу: к люгеру мчался, едва касаясь волн, черноволосый нэрриха могучего сложения! Он был почти недосыгаем, и осталось испробовать последнее, почти безнадежное: преследовать врага, не вычисляя расстояния.

Люгер обогнал сбросившую паруса шхуну и, не маневрируя, удалялся. Люгер уже теперь был на пределе возможностей Ноттэ в беге по воде. Или – за пределом?

Первый прыжок, второй, третий. Нога подломилась и почти предала. Водный бег – не игра, а настоящее чудо, предельная концентрация сил души, доступная нэрриха в четвертом круге опыта, не ранее... На сей раз Ноттэ был обязан свершить чудо. Постыдно проиграть врагу в хитрости. Невыносимо уступить мерзавцу «Гарду», предать капитана Вико, единственного знакомого человека, разгадавшего тайну счастья... И, по закону людского мира, вынужденного платить.

Убеждения – величайшая роскошь, они никому не по карману, даже королям и всесильному духовному владыке – маджестику Башни.

Четвертый, пятый, шестой шаг, вода вязкой смолой обнимает лодыжки. За ней право, вода бездонна и могуча. К тому же тело нэрриха – тяжелая темница его души, пронизанной ветром...

Седьмой шаг. Восьмой! Колени увязли в жадной пене... Ноттэ зарычал и упрямо побрел вперед, увязая всё глубже, ничего не видя, не чуя. В висках билась отчаянием одна мысль: как же быстр лучший люгер Эндэры!

Канат шлепнул хвостовым узлом рядом, в полушаге, плеск возмутил серую воду и вынудил нэрриха очнуться. Ноттэ хрипло рассмеялся, вспрыгнул на верткую пеньковую змею, пробежал в три прыжка до её головы, мертвым узлом вцепившейся в обнос борта «Гарды».

Ноттэ ощутил ладонью борт, взметнулся вверх, ступил на палубу и глубоко вздохнул, целиком отдаваясь грядущей схватке.

Он справился с невозможным, одолел пропасть воды, успел – и все же опоздал. Вико тяжело опирался на обнос: именно его рука бросила спасительную веревку. За плечом капитана «Гарды» возвышался косматый, чернобородый гигант-нэрриха. Он, без сомнения, уже объявил себя хозяином люгера. И страшно наказал несогласного с переменами: клинок прорубил тело насквозь, Вико уже не стоял – висел

на лезвии, полосуящем плоть по косой, с оттягом.

Ноттэ зарычал, распластался по доскам, скользнул мимо капитана. Краем глаза он отметил с холодным ужасом, как по желобку чужого клинка бурно сбегает кровь, чтобы впитаться в древесину и последний раз породнить Вико и его любимый корабль...

Не позволяя себе отвлекаться, Ноттэ атаковал, уклоняясь от гудящего взмаха даги, чтобы снизу, расходящимся движением обоих клинков, вскрыть грудину чернобородого. «Закатный луч» – в чью честь был назван удар, учитель Оллэ не сказал... но, кажется, тот нэрриха тоже принадлежал западному ветру. И, вроде бы, он жил очень давно. Его помнил только Оллэ, и только Оллэ мог отдать знание об одном из самых надежных способов умерщвления нэрриха.

Палуба со стоном приняла тело Вико, звук едва успел зародиться, когда убийца капитана начал заваливаться назад и вбок, роняя оружие из слабеющих рук.

В бой двух нэрриха, равных в своей невероятной скорости, нельзя добавлять третьего ни во имя его спасения, ни ради мести. Таков непреложный закон. Враг первым нарушил закон, и расплатился немедленно. Не успел освободить эсток из взрезанного тела, не успел уйти от удара, не смог поставить блок. Не увернулся от пинка в живот, выбивающего остатки дыхания из вскрытых легких...

Ноттэ прынул вперед, продолжая выдавливать дыхание. Коротким клинком перерубил позвоночник. Склонился,

вгляделся в мелкие, почти черные, глаза. Зрачки пустели. Ноттэ нагнулся ниже и шепнул в самое ухо врага созвучие, которое пришло и стало посильным недавно: нэрриха высоких кругов опыта чувствуют наречия очень тонко и глубоко. Может статься, это единственный из настоящих ответов, найденный за время жизни. Даже Башня не ведаёт столь ценного, в её книгах уцелело начертание древних рун, но буквы и звук – разное, слово не имеет силы с тех пор, как забылось сокровенное звучание.

Тело чернобородого гиганта осталось лежать на палубе, окончательно мертвое. Ноттэ на краткий миг прикрыл глаза, накапливая планы и выстраивая мысли в должный порядок. Он выиграл схватку, как того желала Башня, если верить словам гранда-нанимателя. Но дело – его личное дело – не завершено. Созвучие, которое вырвало из груди мертвого нэрриха неизрасходованный запас его жизненных сил, ещё звенит в ушах. Оно не иссякло, в нём уцелела сила северного ветра.

– Помощник! – позвал Ноттэ, оборачиваясь к Вико. Он обнял капитана за плечи, приподнимая от палубы и наспех осматривая рану. Кивком, не отвлекаясь, указал на труп нэрриха. – Немедленно убрать с люгера в лодку, там оставить. Управишься, командуй разворот. К борту шхуны, быстро. Я не закончил дело.

– Да, нэрриха, – прошептал серый от ужаса парнишка, стоя на коленях рядом и не имея сил ни слышать, ни испол-

нять. Он пробовал зажать испачканными ладонями широкую рану капитана и смотрел только на Вико. – Он... жив?

Пришлось бить недоросля по лицу, жестоко и не жалея. Своя боль – она не так уж плоха, она успешно сбивает излишек пены с забродившего сознания. И людям, и нэрриха. Умиравший враг успел вспороть ногу Ноттэ от колена до бедра, поэтому глядеть на неподвижное лицо Вико не так тяжело... почти посильно.

– Мне нужна шхуна, – строго приказал Ноттэ, слепо озираясь и боясь отвлечься, отстраниться от Вико. – Ясно? Сюда позови двоих. Прочих гони наверх и командуй разворот, помощник.

Кажется, сработало все же последнее слово, но не удар и боль. Это говорило о парне наилучшим образом. Может, судьба у «Гарды» такова, что люгер исторгает негодных людишек, вышвыривает из команды? «Всю свою короткую жизнь паршивец мечтал стать капитаном», – отметил нэрриха. Щурясь и усмехаясь, он следил за помощником Вико, который встал с колен и шагнул к штурвалу. До исполнения заветного теперь, когда Вико при смерти, – полшага... и что же? Пацан пробует улыбаться серыми губами: его назвали помощником, значит, есть надежда вновь услышать вопреки старого капитана. Неисполненная мечта порой ценнее сбывшейся. Люди редко осознают это, тем более в юности.

Ноттэ с сомнением нахмурился. Знать бы самому, оста-

лась ли надежда! Одолеть в поединке чернобородого удалось, и древнее *слово* сказано верно, прядь чужой силы не вернулась в косматую гриву северного ветра: она трепещет, как длинный язык флага, приросшего к левой ладони. Тянет, рвет болью не тело – душу. *Слово* было впервые прочтено Ноттэ в старой книге Башни – записанное буквами, лишёнными силы, даруемой верным звучанием. Рядом в книге имелась пометка – «способно вернуть долг». Старая пометка, на забытом ныне диалекте, и нанесена вылинявшими за века чернилами.

В мудрость древних и их законы, еще не ставшие догмами, Ноттэ верил, пусть и с осторожностью. Сейчас он заставил себя отбросить остатки сомнений. Склонился над Вико, предоставив все маневры люгера помощнику. Зря его, что ли, учил капитан?

Ноттэ разрезал попорченный эстоком пояс Вико, отвел ткань от раны на животе, еще раз строго глянул на свою ладонь, до неприязни обыкновенную. Хоть бы светилась, что ли... Верить в зримое чудо гораздо легче! Увы, приходится уповать на самоубеждение. Чернобородый виноват перед Вико в коварном отнятии жизни. Удар в спину! Раз виновен, пусть вернет долг.

Мысленно вынеся решение, Ноттэ сосредоточился, прикрыл глаза и опустил ладонь на рану. Ощущение сигнального флага, по живому приметанного к мясу и костям, сперва усилилось, а затем резко схлынуло.

– Перевязать, отнести в каюту и сидеть подле, глаз не спускающая. Не поить, – громко приказал нэрриха.

Встал, стряхнул с руки кровь. Почему-то на возвышенные страдания всегда нет времени. Жизнь норовит подсунуть то беду, а то и похуже – ненавистную роль клинка воздаяния, обреченного вершить скорый суд. Борт «Ласточки» придвигается с каждым мигмом, хотя, едва оба нэрриха покинули палубу, шхуна попыталась резко отвернуть в сторону. Команда слабаков отчаянно поспешно ставила паруса, то и дело поглядывая на люгер и сполна осознавая бесполезность попытки бегства.

– Ближе к борту, – велел Ноттэ. – Я устал, я не летучая рыба, да и «Гарда» – не балаган, дающий представления перед всякой швалью. Просигналить сброс парусов, дрейф и сходни.

– Есть, – отозвался помощник.

– Имя у тебя имеется? – впрок поинтересовался Ноттэ, протирая клинки и убирая в ножны.

– Бэто, – без заминки отозвался помощник капитана. Хотя многие сплетни утверждают, что доверивший нэрриха имя рискует навлечь порчу на род.

– Оставь подмену на люгере, Бэто. Пойдешь со мной.

Моряки «Ласточки» бросили с борта на борт и крепили широкие доски, заменяющие сходни. Суетились отчаянно, ощущая себя висельниками на помосте. Смотрели на нэрриха, как на палача. С исполняющим приговор не спорят, умо-

лять его о пощаде не пытаются, – он не судья, лишь последний провожатый на пути в бездну... Ноттэ оглядел сброд, поманил капитана «Ласточки». Рослый детина побрел к борту, на ходу сорвал с головы повязку, принялся теревить платок на шее. Наверняка ткань с узлом казалась удавкой...

– Скольких пассажиров принял в порту? Где спутники покойного и его имущество?

– Вот... Нет на нас вины, смилостивься. Страх велик, чернокнижник он был и еретик, страх велик, – запричитал капитан шхуны, неловко дергая рукой и тем давая знак нести вещи.

Из трюма выволокли вместительный – сам Ноттэ мог бы в нем спрятаться – сундук, черный в медной оковке. Затем бросили мягкий мешок и бережно поставили на палубу коричневый ларчик, звякнувший денежно, многообещающе.

– Вскрывали?

– Как можно, – позеленел капитан.

Тишина повисла, не прерываемая ни единым вздохом. Нэрриха погладил рукоять при поясе слева и глянул поверх голов вдаль, на море. Сколько можно давать людям очередной последний случай одуматься? И зачем, если они не люди, а просто грязь?

Старый гранд Башни, давно покойный, встреченный еще в годы пребывания в круге первом и навсегда памятный, как и иные достойные памяти, – тот советовал искать ответы не в грязи внешнего, но во тьме своей души. И был прав. Ес-

ли людишки одумаются, не придется пятнать море их кровью и задаваться вопросами о правомерности суда и точности определения вины.

Поведение нэрриха оценили верно. Капитан первым торопливо отвязал кошель, охая и жалобно втягивая носом, вытряхнул золото. Не посмел проводить монеты даже косым коротким взглядом, не отделил свое от уворованного. Эскудо покатались, взблескивая на солнце, отстукивая по доскам танцевальную дробь.

– Все, что взяли чужого, сложите в мешок, – поморщился Ноттэ. – Что я, по-вашему, буду ползать и собирать?

Капитан отчетливо всхлипнул, осознав оплошность. Нэрриха глянул на рослого слабака в упор, совсем как при первой встрече. Обнаружил в глазах «дно» – этому тоже учил тот старый гранд. «Когда у них уже нет сил лгать, это заметно, мальчик. Оно особенное: их твердое, скальное отчаяние, без прищуров и подвохов, – бормотал старик, прикашливая и глядя любимого кота. Всегда – беспородного, найденного на очередной помойке и взятого в дом за ловкость в допросе мышей... – „Дно“ обнажают не боль и не угроза. Тут иное, мальчик. До дна помогает донырнуть сила, какая есть внутри тебя. Умей показать силу без новомодных глупостей. Разве коты используют сложные пытки? Они играют, малыш. Они умеют поставить себя. А еще они твердо знают, что все прочие в игре – лишь мыши».

Мешок принесли, золото торопливо сгребли, но нэрриха

стоял в прежней позе и ждал. Обычно берут не только деньги, но и мелочи, безделушки. То, что не кажется ценным, всего лишь – приглянувшимся. Такое не возвращают без умысла, просто по забывчивости. Вот: один из моряков освежил память, убежал и вернулся, сжимая в ладони нечто, сунул вещицу в мешок. Второй последовал его примеру. Третий... Опять стало тихо на палубе. Окончательно тихо. Видимо, теперь отдано действительно все.

– Я задал вопрос о пассажирах, их числе и нынешнем месте пребывания, – напомнил Ноттэ.

– Так – этот вон, – едва шевеля губами, выговорил допрашиваемый. Покосился на низкую палубу люгера, теперь надежно закрепленного борт в борт со шхуной. Там, в выделенной по воле Ноттэ лодке, лежал труп чернобородого нэрриха. – Одну выродиху злодей и приволок с собой, на беду. Кричал на неё криком, называл гнилотой и дрянью. Вроде даже стегал плетью... мы в каюту не совалясь, но расслышали малость. После, значит, он сам велел бросить за борт. Признал, что беда от ней, от девки. Ну, мы и... Как велел, ночью, заради усмирения шторма, значит...

– Точное место, время, описание женщины, – велел нэрриха. – В лодку посадили?

– Склянки, навреде, били час пополудни, – прошептал капитан, глядя вниз и сутулясь. – Токмо часы-то, они ж у нас отмеряются днем по солнцу. Ночью по разумению. Место помечено на нашей карте, значит. Выродиху вблизи я не види-

вал. Наверде мелкая, вовсе соплюха. Еретик приказал выкатить бочку. Пустую, из-под пресной воды, вот ведь... И, значит... А мы что? Мы сполнили...

Ноттэ прикрыл глаза, ощущая окончательную неготовность общаться с командой шхуны и считать людей на её палубе – людьми. Положил руку на плечо Бэто, в нем разыскивая поддержку, в нем и ещё в Вико, обучавшем помощника.

– Есть хоть малая надежда по их кривой метке найти нынешнее место бочки? Женщина плясала, ветер переменялся, после того её и устранили, ненужную. Как раз ветер дотянулся до люгера, так думаю.

– На смене ветра приключилось, – задумался помощник капитана «Гарды», и голос его впервые за долгое время обрел неспешность, присущую человеку, знающему дело. – Я по времени прикину, у нас-то часы имеются, склянки не наугад, время смены ветра капитан сам внес, сразу же... Найти не обещаю, но куда плыть в поиск, разберу.

Карту принесли. Нэрриха сунул её Бэто и толкнул того назад, на палубу «Гарды» – иди, считай и думай. Жестом предложил перенести вещи чернобородого на низкую палубу люгера. Оглядел моряков шхуны. Дождался, пока закончат погрузку. Подошел к лодке и смял днище ударом ребра ладони. Повторил со второй лодкой шхуны. Оглядел команду, наблюдающую за новым хозяином жизни и смерти обреченно, безропотно.

– Отдавая девочку морю, вы сочли, что бочки хорошо пла-

вают, – вслух прикинул Ноттэ. Усмехнулся. – Остается надеяться, так оно и есть...

Нэрриха прыгнул в трюмный люк, открытый по первому его требовательному жесту. Прошел в полумраке к корме, похлопывая по борту. Вынул из ножен эсток, сделал два свистящих движения, убрал оружие. Заспешил на палубу, ступил на сходни и покинул «Ласточку».

– Мои дела здесь закончены, – не оглядываясь, сказал он помощнику капитана «Гарды». – Попробуем найти бочку.

– Не по-человечьи они, – шепнул Бэто, часто перебирая руками по штурвалу и жестами указывая паруса, требующие установки. Команда понимала и исполняла без окриков. – Вот я и спрошу: когда станете казнить негодяев? Мыслимое ли дело для моряка: выбросить человека за борт. Ночью, в шторм. Тут до любой земли неблизко, и течение сложное.

– Я так безнадежно устарел, все еще верю в суд богов, – посетовал нэрриха.

– Так он когда еще приключится, – буркнул помощник, полыхая ушами от своей наглости в споре с нэрриха, но не унимаясь.

– Именно теперь, – повел бровью Ноттэ. – Кто тебе сказал, глупый мальчик, будто я настолько добр, чтобы вешать на реях или рубить головы?

Люгер, раскрывая все новые паруса, обогнул «Ласточку» и стал стремительно удаляться. Ноттэ молча ждал. Он ничуть не удивился, когда позади, едва слышный, прогудел

единый стон ужаса. Обшивка шхуны от первой же перемены нагрузки стали рассыпаться по двум клинковым срезам. «Ласточка» вздрогнула, осела на корму, кренясь на левый борт.

– Не верь, что оружие нэрриха особенное, – поучительно велел Ноттэ. – Только в наших руках, при наших силе и скорости. Если получишь мой эсток, не пробуй рубить корабельный корпус, людей насмешишь. Ясно?

– Да.

– Пойду к Вико. Зови, когда сочтешь, что бочку уже пора высматривать, я попробую пошептаться с ветром. Надежды особой нет, но вдруг.

Ноттэ ободряюще улыбнулся, кивнул и покинул палубу. Во взгляде Бэто постоянно читалось дно намерений. Смотреть в подобные глаза приятно, – отметил нэрриха, склоняясь к изголовью койки капитана. Юность – время плаванья в прозрачной воде, пронизанной солнцем. Нет еще темных омуты подлости и спрятанных от себя самого сундуков со скелетами... Казалось бы, понять собственную душу проще именно в это время. Но люди не пытаются, они упрямо, на всех парусах, мчатся к большим глубинам взрослой жизни, чтобы лишь на рифах старости заняться разбором обломков былого... И сам он – Ноттэ – не лучше. Есть ли дно у его собственного взора? Кому посильно нырнуть так глубоко, чтобы дотянуться?

Рука пожилого капитана «Гарды» была теплой, жилка

на запястье билась слабо, но ровно. Нэрриха улыбнулся, сел на пол, устроил локти на краю койки, подбородком оперся о тыльную сторону сплетенных гамаком ладоней – и стал глядеть, как буднично и неярко вершится чудо. Человека насквозь проткнули и взрезали, потроша, будто рыбину... а он живет. Потому, что злое дело пресечено и внесена плата? Много раз прежде исполнялись и первое условие, и второе, но оба не складывались в нужный узор, не оказывали целительного действия. Все дело в силе древнего слова, сказанного верным тоном и темпом? Вряд ли...

– Надежный у тебя якорь, – шепнул Ноттэ. – Смотрю и думаю: а ведь, пожалуй, не так плохо быть настоящим-то человеком... Еще я вот что думаю, Вико. Ты теперь – вполне ли человек? Может, всякий настоящий капитан – тоже сын ветра... приемный.

Капитан не отозвался. Он дышал спокойно, неглубоко, скорее как спящий, нежели – больной и пребывающий у порога смерти. Лицо утратило землистый оттенок, морщины разгладились, вроде бы сделались мельче. Впрочем, угадывать возраст лежащего неоправданно: кожа натягивается иначе, – одернул себя Ноттэ. Почти виновато усмехнулся. Молодость людей отражается на их лице и всегда обманна, подлинная блестит в глазах и гнездится в душе. Настоящее редко показывает себя нарочито.

Нэрриха зевнул, удивляясь этому признаку усталости. Некоторое время колебался – то ли отказаться от отдыха,

то ли признать за собой право на слабость... Выбрал второе, прикрыл веки и провалился в сон без кошмаров, замечательно темный, похожий на добротный трюм без малейшей течи.

– Ноттэ, – выговорил неуверенный голос помощника капитана.

Было очевидно: зная имя, Бэто счел невежливым позвать обезличено. Подменить прямое обращение на пышное величание – например дон или гранд – не смог. Да и не знает он верного варианта, а назначить самостоятельно не решился из воспитания. Хотя многие лестью прикрывают страх.

Помощник Вико, надо полагать, – подумал Ноттэ, потягиваясь, поглядывая на пацана куда внимательнее прежнего, – вырос в образованной семье. Там волей-неволей создали отпрыску сложности в жизни. Бэто оценивает, старается строить отношения... рука его не потянулась запросто толкнуть в плечо, пробуждая без слов. Нэрриха еще раз изучил хмуро-настороженного юнца и хмыкнул: бедняга страдает, полагая всякое обращение неверным, хотя имеет перед собою ту редкую задачу, для которой любое решение – годное. Лишь бы выбрать, а не воздержаться от действий.

Нэрриха сел, огляделся. На столике рыжим бутонем цветет масляная лампада. Пламя трепещет и покачивается, что немного странно – ветра-то нет... Ночь спустилась на море, занавесила оконце сплошной черной шторой. Эдакой домотканно-ворсистой, лишенной шелкового мерцания звезд. Значит, не горят огни небесного бала, бескрайнее море се-

годня не принимает танец лунных лучей. И это – плохо.

– Как искать? – в голосе Бэто слезами зазвенело отчаяние. – Вы же видите, что мы ничего не видим.

Помощник капитана горько улыбнулся невольной шутке, скорее даже скривился, и лицо его сделалось старым. Усталость кого угодно нарисует тусклой краской, изуродует.

– Где-то здесь бочка, – Бэто размашисто обвел рукой каюту, намекая на область поиска. – На позднем закате разбухли облака, повисли, как проклятие. Того и гляди, зарядит дождь. Но уж тогда...

Помощник капитана поник, не желая превращать жалобу на погоду – в приговор неизвестной плясунье.

– Пошепчусь с ветром, – пообещал Ноттэ, торопливо, вместо умывания, растер ладонями лицо.

– Нэрриха умеют так искать?

– Видишь ли, вопрос совсем неудачный. Много знать вредно, – отметил Ноттэ, снимая пояс с оружием и хмурясь: как же это он спал, неудобно ведь. Принял у Бэто куртку и стал натягивать, продолжая рассуждать. – Ты спросил то, что вызывает недоумение у самой Башни. Кто такие дети ветров? Это уже – многовато для вопроса. Исходно словом «нэрриха» обозначались подобные мне, рожденные не во чреве людском. Понятие имело в древности смысл. Теперь остались стрижка, красный шелк, черный пояс, узкие штаны... ловкость в обращении с оружием. Еще, пожалуй, присяга Башне. В общем, сегодня нэрриха – это привычный

внешний вид и вдобавок страх, воспитанный сплетнями.

– А как же вы, дон Ноттэ?

– Я? В этом круге жизни я никому не присягал «жизнью земной и душою ветра» по полному чину. Я – старый желчный злодей, взявшийся сводить счеты. Для этого я прикрываюсь заемным и удобным мне долгом. Интересы совпали для меня и гранда-нанимателя. Вот и все.

– Так уж и старый.

– Тебе что велел капитан? Проглотить язык! Он разобрался в твоей природе, дав столь мудрый совет. Еще немного, и мы ступим на запретные для разговора поля. Ты спросишь, сколько мне лет, я отвечу, что понятия не имею, потому что есть годы в жизни и годы от рождения... затем я задумаюсь, всерьез расстроюсь. Меня, знаешь ли, не следует расстраивать.

– Хм...

– Не сомневайся. Решил, что «Гарде» от меня не будет вреда, так? Верно. Учти, я твердо верю, что немой помощник капитана – в пользу люгеру.

Бэто звонко лязгнул зубами и втянул воздух, проглотив новый вопрос и заодно прикусив язык: уловил в тоне и взгляде, насколько пассажир не шутит. И молча указал на дверь, первым шагнув к выходу.

Ночь вне каюты оказалась безветренной и черной – точно как представлялась сквозь окошко. Еще она была душновата, неприятно насторожена. Где-то за горизонтом залег боль-

шой ветер. Поутру он готовился вволю повыть на красный восход, поднять с пастбища вод стадо испуганных волн и погнать их, слепо толкающиеся, вдаль. В общем шуме и толчее – попробуй тогда отыщи бочку. Даже теперь для надежды на успех прошло многовато времени, а точных указаний по поиску нет. Следует держать в уме и еще одно печальное, но очевидное соображение: застать в живых человека, от ночи и до ночи проведенного в море – чудо. А чудеса не волки, стаей не бегают. Спасение капитана надолго вперед опустошило кошель надежд, это Ноттэ знал твердо, но не желал учитывать.

Он упрямо прикрыл глаза, поднял напряженные, вытянутые руки до уровня груди и повел ладонями, пытаясь нащупать хоть паутинную прядь в гриве самого ничтожного ветра.

«Столь ласковый и тонкий вздох рождает лишь крылья мотылька», – сказал один старый знакомец... Очень давно, во втором круге – тогда Ноттэ еще считал их с азартом, эти самые круги, еще кичился ростом своего невеликого опыта. Тогда и довелось встретить загадочного нэрриха. Он выглядел стариком и был воистину мудр. Правда, не мечтал об ответах, не стремился к свободе полета или даже счастью. Просто жил на берегу и приглядывал за невысоким маяком, им же самим выстроенным из грубо обработанного камня.

– Почему ты не ищешь ответы? – поразился тогда Ноттэ. Он был порывист и азартен, как молодая гончая, повторяю-

щая все петли заячьего следа, уткнувшись мордой в траву... и не видя самого зайца, замершего в двух шагах.

– Потому что я пришел сюда не за ответами, – буркнул старик. – И ты тоже! Со временем поймешь... Что даст буйство взбесившегося вихря, кроме пены и обломков на берегу? Все мы сперва надсаживаем горло и надрываем душу, норовя перекричать бурю сиюминутного. Увы, за ревом шторма не разобрать шепота, каким даются ответы. Надо не буйствовать, но наблюдать и слушать. На фоне дуновения от крыла мотылька голос высшего подобен громовому реву. Впору уши затыкать, спасаясь от сокрушительных в полноте ответов...

– Философия, – свой презрительный тон Ноттэ помнил до сих пор. Тогда он полагал это слово ругательным.

– Иди, ты еще не миновал свою бурю, – улыбнулся старик. – Но учти: у всякой бури внутри, в сердце её, сокрыта тишина.

Позже Ноттэ попытался навестить старика, но не застал. Никто на берегу не мог объяснить, почему заброшенный маяк называют «Танец мотылька». А еще ходили нелепейшие слухи, что с кораблей маяк виден в бурю, даже если он не зажен...

Ноттэ сердито фыркнул, прогоняя бесполезные воспоминания. Рев или шепот – не важно. В глухой ночи, норовящий впитать и растворить всякий звук, нет даже малого движения. Руки проваливаются в пустоту, не ощущая упругости

ветра, не находя связи с сутью его шепотов и дуновений.

– Мы понемногу двинемся на веслах, я расставляю людей к бортам и на мачты, – шепнул Бэто. – Будем метать стрелы с паклей, может, что и выявится...

В голосе различались и отчаяние, и сочувствие: разве нэрриха может один за все отвечать? Не его вина – брошенный в море человек. Ноттэ кивнул и снова повел рукой, пробуя уговорить заснувший ветер откликнуться, помочь. Хотя в лучшее – не верил... Как найти ночью посреди моря бочку? Мокрую, округлостью бока подобную волне, вполне возможно – разохшуюся. Такая она протекает, погрузилась почти целиком.

Мысль о том, что приходится испытывать существу, запертому внутри, впервые за все круги жизни пробудила в нэрриха неподдельное сочувствие к плясунье. Даже она и подобные ей не творят столь жуткого греха, сознательно нарушая устои мира своим танцем. Всего лишь обманывают, и еще следует разобраться, кого в большей мере – жертву или себя...

В конце концов, кто такая плясунья? Чаще всего успешны в волшбе именно женщины, а понять их душу невозможно. Плясуньи сотканы из противоречий, логика им чужда. Даже изучив её законы, полагал Ноттэ, женщины, наделенные даром танцевать с ветрами, не склонны расчетливо применять знания. Нэрриха давно подозревал: один из непреодолимых барьеров для волшбы – именно хладнокровие, оно

лишает душу трепета живого ростка, ласкаемого дыханием чуда. Если все так, то оправданно ли винить плясуний с их горячечным темпераментом – за самовлюбленность, жажду быть совершенством и вызывать всеобщее восхищение? Пользоваться плодами успеха – это тоже есть, да. Но кто таков Ноттэ, чтобы необратимо карать за подобный грех?

Между тем, совсем недавно идея кары выглядела верной, а воздаяние – оправданным. И вот он, Ноттэ, клинок воздаяния, увидел со стороны. как одержимый жаждой мести враг – тоже нэрриха – обрек плясунью на медленную смерть, заточил в чрево бочки – удушающее, тесное, пропахшее затхлостью. Убийственное равно для волшбы и надежды...

Ноттэ помнил миг ужаса, предшествовавший первому в его жизни вздоху – миг, повторяющийся в ночных кошмарах, неизбежных, надо полагать, для всякого нэрриха. Чернота небытия. Вывернутый наизнанку мир-ловушка... Было время, чего греха таить, копошилась в недрах сознания мыслишка: отплатить злодейке, которая ввергла в земную жизнь. Дать ей осознать на собственной шкуре, что же она наделала. В первом круге Ноттэ жаждал мстить и карать, выбирая жестокие методы. В первом круге это простительно: душа еще не знает, что такое смерть ни для неё, ни для иных...

– Ох, – выдохнул голос Вико едва слышно, в самое ухо, Ноттэ даже вздрогнул, напрягаясь и вслушиваясь, – не делом ты занят! Ветер слушаешь, а надо – сердце... Оно и есть мотылек, оно еще бьется.

Ноттэ вздрогнул, кивнул, принимая совет и не отвлекаясь на словесную благодарность. Снова повел руками, ощущая себя слепым в кромешной ночи. Утратить зрение, оказывается, удобно! Ему душно, он сам – смятый мотылек в мозолистом кулаке бытия. Крылья шуршат, теряют пыльцу. Свобода недостижима, но мучительно желанна. Ночами он полагал, что не хочет жить в мире людей, но то лишь сон... Разве можно отказаться от пробуждения, от счастья взлета с раскрытой ладони, от восторга осознания, что тьма не сломала тебя, что ты – есть?

Нечто шевельнулось, словно жилка под кожей вздрогнула – тонко, намеком. Слабее, чем щекотка, незаметнее, чем волоски комариных лапок...

– Там, – выдохнул Ноттэ, опасаясь спугнуть путеводное ощущение.

Скрипнул штурвал, ноги зашуршали по палубе – крадучись, ловко. Бэто зашипел прикушенным языком, без внятных слов давая указания. Дуновение коснулось щеки: видимо, помощник капитана отчаянно размахивал руками. Без слов можно и командовать, и ругаться, пацан это усвоил именно теперь и использует по полной.

Мотылек на ладони вздрагивает и замирает. Крылья трепещут все слабее. Зато связь сделалась прочна, и Ноттэ позволил себе ругаться вместе с Бэто! Он азартно размахивал пустой рукой, лишённой ощущения крыльев. Именно эта ладонь, прямая, как жестяной флюгер, годилась для указа-

ния направления, она настойчиво требовала спешить, весо-мо складывалась в кулак, обещала вбить нерасторопным ум если не в голову, то куда придется, но поглубже и понадеж-нее.

Наконец, нэрриха ощутил близость цели, решился раз-лепить веки и вернуть себе зрение. На раскрытой ладони не было мотылька, но далеко впереди Ноттэ увидел неяркий трепещущий блик – и почти сразу угадал покатошь дубово-го бока, скрепленного обручами... Третий раз за безумный, нескончаемый день, нэрриха прыгнул за борт. Сиганул без разбега и расчета в вязкую смоляную воду! Побежал по до-рожке фонарных бликов все дальше, в смоляную ночь. Пер-вый раз за все время – не считая шаги. Ржавая, холодная по-верхность казалась лезвием, она жгла босые стопы, резала их нещадно, если верить боли. Но – держала, вопреки здра-вому смыслу и опыту. Бездна моря пружинила, прогибалась и снова выбрасывала нэрриха вверх – шаг за шагом, снова и снова... словно под дорожкой из бликов появилась осно-ва – может, та самая веревка, брошенная капитаном Вико, не пожалевшим жизни?

Когда до цели остался всего-то один прыжок, опора исчез-ла. Ноттэ рухнул в черное кружево взбитой падением пены, погрузился с головой, вынырнул, отплеываясь. В несколько гребков достиг бочонка – низко осевшего, тяжелого от про-сочившейся внутрь воды. Стенку удалось проломить одним ударом, вторым – расширить дыру и по пояс занырнуть

в свой извечный сонный кошмар без надежды и света... На сей раз дощатый мирок с хрустом раздался, уступил напору плеч и локтей. Утратившие хватку обручи – стражи кошмара – канули в пучину моря, навсегда...

Руки нащупали тело – безвольное, маленькое. Рванули вверх. Снова пришлось всплывать и отплевываться, шипеть сквозь стиснутые зубы, терпеть боль: ноги свела судорога. Небывалое для нэрриха дело – полное, окончательное утомление... Но борт «Гарды» приближался. И хватило упрямства, чтобы вцепиться в брошенный канат, держаться, терпеть... Тьма обступала сознание, свет многих фонарей не создавал в ней самой малой щели. Тишина обморока наваливалась...

– Вино грейте, олухи! Да не стойте, одеяла сюда! Отрыжка береговая, крысы бесхвостые, шевелитесь!

Суетился и причитал, конечно же, помощник капитана. Он паниковал, бессознательно повторяя тон и любимые при сказки пожилого Вико. В исполнении ломающегося мальчишеского голоса угрозы звучали смешно, но люди подчинялись. Ноттэ слышал все внятнее крики, топот ног. Он возвращался из небытия и понимал, как приятен путь в жизнь.

Ему растирали ноги, его держали под спину, пытались напоить, хлопали по щекам, окликали по имени и ругали смачно, со знанием дела – то есть совершали все, что обычно делать в отношении нэрриха не принято. Чернота схлыну-

ла, последняя льдинка озноба растворилась в горячем вине. Ноттэ вздохнул и сел почти самостоятельно. Осмотрелся, щурясь и встряхивая головой. Из правого уха вода вытекла, вернув слух. В левом еще отзывалась болезненной глухотой.

– Жива? – выговорил нэрриха.

Его без слов повернули, в несколько рук указали – гляди. Ноттэ как-то сразу забыл об усталости, повел плечами, сел удобнее. Принял новую кружку с вином и опорожнил крупными глотками.

– Жаль, нельзя убить чернобородого еще разок, – раздумчиво посетовал нэрриха, отдал пустую кружку и кивнул: – Спасибо. Мне уже хватит, я быстро восстанавливаюсь.

Отнятая у моря плясунья оказалась ребенком лет двенадцати-тринадцати. Синегато-бледная, тощая, в залатанном убогом платье. Бэто держал хрупкое тело, уложив животом на колено, опустив плечи к самой палубе. Похлопывал по спине, бессознательно приговаривал капитанские ворчалки: «Бегом, и чтобы пятками гвозди забивала!» или «А кого это работа не греет?».

– Никак не прокашляется, легкие полны, – пожаловался Бэто, вздрогнул от прикосновения к плечу и глянул на нэрриха с надеждой: вдруг и теперь поможет?

Костлявая спина, облепленная мокрой тканью, напряглась, и девочка наконец-то стала мучительно кашлять, избавляясь от морской воды. Похожие на зачатки крыльев лопатки вздрагивали, и казалось, что они могут прорезать

ткань – так остро выпирают.

Ноттэ осторожно улыбнулся, поверив, что худшее позади. Принял у одного из моряков плащ, укутался. Вспомнил важное и снова осмотрелся.

– Где Вико, помощник?

– Там, в каюте, где ж еще? – от недоумения Бэто замер, но быстро вернулся к прежнему занятию – выхаживанию утопленницы.

– Я слышал голос... – начал было нэрриха и осекся.

Что бы он сейчас ни сказал, ему не поверят! Все видели: нэрриха без сознания. Значит, мог с тем же успехом созерцать святого Хуана или шествовать по ступеням истинной Башни. Чуть подумав, Ноттэ подрастратил уверенность в своих же воспоминаниях. Слышать – слышал, но ушами ли? Ему ни разу не давали ответов, даже малых. Он и слушать-то не умел! А капитан и прежде был непрост, каков же он станет, вернувшись?

– Дышит! Вот так-то, другое дело, – гордо сообщил Бэто, поднимая на руки девочку и победно улыбаясь. – Всем по кружке вина. Даже мне. Ты и ты – на вахту. Окорок дикого кабана выделяю своим решением из капитанского запаса. Празднуем. Ноттэ, какой теперь курс?

– Спешить нельзя. Наша цель – порт Мара, но сперва зайдем в пустую бухту острова Серой Чайки, – задумался нэрриха. – Капитан пусть подлечится. Добавлю: чем меньше странного узнает Башня, тем спокойнее будет ваша жизнь. Значит,

надо обсудить и решить, чего именно вы не видели и не слышали. Кого и чего на борту нет.

Нэрриха глянул на девочку, Бэто сразу кивнул. Повинуясь жесту пассажира, отнес плясунью в его каюту. Уложил на койку, старательно укутал одеялом и плащом. Проследил, чтобы для нэрриха положили на пол тюфяк – тощий, но вполне ровный, не особенно промятый. Бэто сам проверил простыни, принес подушку и шерстяное одеяло – по всему понятно, отдал свои. Ноттэ не стал спорить. Поблагодарил, лег, прикрыл глаза и мгновенно провалился в сон. Почему-то нэрриха испытывал стойкое убеждение: извечный кошмар никогда не вернется. Страх перед вывернутым миром сгинул, когда была разбита бочка. Все, что осталось от бывшего ужаса – боль в костяшках пальцев, ссадины, длинный шрам на правой руке. Но такие раны – телесные – у нэрриха заживают быстро и бесследно.

Глава 2. Башня и колодец

Патор был облачен в белое, как подобает его сану. Он – высочайший служитель Башни в пределах Эндэры и Тагезы – сейчас пребывал в обители, на верхнем ее ярусе, в зале приема. Он был тут полновластным хозяином и смотрелся внушительно... но как-то неоднозначно.

Внушительно уже потому, что был высок и не особенно стар, не до одряхления. Патор хранил спину прямой и держал подбородок вздернутым, несколько надменно. Он сидел в кресле, установленном на возвышении в две ступени. Яркая белизна облачения выгодно подчеркивалась сиянием луча: день изливал всю благодать солнца одному лишь служителю божьему, словно парящему в полумраке обширной залы. Окна по большей части выходили на закат и пока оставались в тени, шторы усердно копили сумрак. Вероятно, потому патор и избрал для приема этот зал.

Неоднозначность в продуманную картину приема вносило поведение гостя. Это был весьма молодой человек, одетый в скромное дорожное платье, без герба и иных отличительных признаков происхождения, без украшений. Гость стоя выслушивал речь служителя, как, вроде бы, и подобает. Но – стоя спиной к патору! Все свое внимание гость уделял дивному виду, открытому для взгляда со столь изрядной высоты: всё же двенадцатый ярус башни! Потакая любознатель-

ности, мирянин отдернул тяжелый бархат, призванный сберегать тень и прохладу даже в полдень и даже здесь, под самым шпилем оплота главной башни обители Серебряного Света.

Башня – у этого слова много смыслов. Так называют белокаменный перст высочайшего строения во всякой обители. Подобное строение обычно имеет круглую форму или возводится квадратом кладки, ориентированным по сторонам света. Перст башни увенчан шпилем и указывает в небеса или же в облака, явись они затенять виноградники среди лета.

Башня – не только строение, тот же смысл имеет и символ веры. А еще Башня – произносимое шепотом и с опаской определение силы, немалой и все растущей, сосредоточенной в руках служителей божьих.

Выказал ли гость уважение, явившись сюда по приглашению патора? Или обозначил слабость и признал патора первым среди равных? Может, он вознамерился разрешить некие сомнения? Или пожелал всего лишь насладиться видом из окна, как сообщил еще до начала беседы? В точности ответа не знали ни патор, ни его ближние, ни, может статься, сам гость.

– «... таким образом, лоза моих рассуждений принесла сей плод, долгожданный, взлелеянный на почвах наблюдений и молитв. Воистину неоспоримо единство корня, из ко-

его происходят верования севера и юга, а также и диковатые, маловнятные нам культы заокраинного и полулегендарного востока. Корень же исконный есть древнейшая вера предков наших, постепенно обросшая листвой языковых и обрядовых особенностей, сокрывших извечный и неизменный единый ствол в пестроте сиюминутных различий. Увы нам, различия подобно листве заслонили главное, породив нечестивую распрю...», – голос патора Паоло пресекая, рука небрежно, с отвращением, стряхнула свиток с подставки для книг. – Полагаю, довольно чтения, мне тягостно повторять измышления и отравлять ваш слух. И так очевидно: безумец даже теологические рассуждения сделал ересью, богохульным средством, призванным прекратить, как он выразился, «распрю». Распрей же, Ваше Ве...

– Помилуйте, я смиренный паломник, – с долей раздражения отметил гость, так и не обернувшись, но выказав должное усердие в поддержании своей игры в неузнанность. – Я внемлю словам мудрости, преисполненный веры и смирения.

– Конечно же. Итак, продолжим. Распрей презренный отщепенец смел именовать поход во имя веры, принесший одному только вашему деду земли до самого перешейка Канто и девять крепостей: Тольэс, Ба...

– Не жалуясь на память, – поморщился гость, снова сосредоточившись на изучении долины. – Патор, воистину Башня умеет и удивлять, и творить чудеса. Я совершил

небольшую прогулку, покинув столицу в преддверии большой жары. В путь я отправился с определенными убеждениями. Как мне казалось, неоспоримыми. Ту распря начали южане, хроники дворца ничуть не лживы. Но весь урожай собрали не они, а мы. Однако же способ... скажем так, жатвы не выглядит безупречным даже в открытых семейных хрониках.

– Если бы старик успел вынести за порог обители свои бредни, долина Сантэрии, того и гляди, осмелилась бы объявить себя центром мира, ничуть не заботясь о мнении самого маджестика. Ложная гордыня могла вознести обитателей долины в их помыслах превыше мирской власти, превыше духовных заветов, созданных в радении о благе жизненном и посмертном. Они обратили бы взоры к югу и польстились на сладкую ложь эмира и его злоязыких советников. Разместите сей довод на весах рассуждений, и способ противодействия ереси не покажется чрезмерным. Ибо устои незыблемы, иного не допустим ни мы, ни вы.

Голос патора журчал убедительно, искренне – но несколько усыпляюще. Гость с заметным трудом подавил зевок, давая понять, что не любит словесные кружева. Паоло смолк и решил выдержать паузу, обозначая право хозяина в разговоре. Гость прошел до угла зала и взглянул в полукруглое окно с граненым хрустальным стеклом.

Отсюда открывался роскошный вид на миндальный сад, розарии, большой парк, тянувшийся до самой стены обители,

на зеленых великанов – дубовую рощу, занимающую всю долину вне стен. Дорога на столицу то пряталась в тени могучих крон, то выбиралась под палящее солнце. Малые тропки вились от ствола к стволу прихотливым узором, отмечая каждодневный путь служителей, присматривающих за рощей и в должное время собирающих драгоценную пробковую кору.

Гость едва заметно дрогнул бровью. Вряд ли ему нравились полубезумные порывы старой королевы Атэррийской – Хуаны Второй, передавшей Башне лучшие владения, и в том числе почти все дубовые рощи... Ведь кора – это живое золото. Гость вздохнул и зашагал вдоль стены, без интереса поддевая шторы и изучая виды.

– Пожалуй, вы правы, ваше преосвященство. Но вернемся к той жаре, что сделала целительным и даже насущным мое путешествие. Юг летом – воистину пекло. Пожалуй, погода схожа с давней, знакомой моему деду и не сулившей ничего благого... даже при взгляде из этого окна. Кажется, в тот год было принято решение о земельных и иных особых правах паторов в Барсе. Некоторые назвали указ уступкой, иные нашли в решении необдуманность и чрезмерность. Сплетники позволили себе шептаться о слабости короля. Но чудо было явлено, мы изгнали ересь из Сантэрии. Хотя перевалы считались неприступными.

Патор кивнул, позволил себе растянуть губы в подобии улыбки, пресной, как хлеб, подаваемый страждущим у внеш-

них врат оплота веры. Паоло поднялся из кресла, сгреб в ладонь сверток, поданный сэrvэдом по хозяйскому знаку. Обладатель белого одеяния скользил беззвучной поступью старого, но все еще уловистого, кота, охотящегося на дерзкую венценосную мышь.

– Пути свершения людских деяний небезупречны, зато провидение воистину вне пересудов. Самое грозное оружие людей – ничто перед карой высших сил. Первому оказывают отчаянное сопротивление, второе принимают в смирении, склонив голову и умоляя о милости, свершая акт покаяния.

– Провидение вне власти мирской, – гость утратил интерес к видам за окнами и уделил внимание патору. Повернулся к нему всем корпусом, чуть поклонился, выказывая уважение сану. – Теперь я вижу: вы с редкостным усердием желаете вернуть в закрытую библиотеку труды того старика... и это оправданно.

– Именно. Едва ересь покинет столицу по воле вашей и во благо Башни, мы примемся неустанно возносить молитвы, и с божьей помощью дела юга переменятся. Внутренних врагов короны постигнет возмездие, внешние утратят воинственность. Вы сможете отвести войска к северу, что теперь весьма выгодно. Вы проявите политическую мудрость и покажете себя сильным стратегом.

– Стратегом? Того и гляди, Бертрана начнут именовать уже не белой, а блаженной вороной, – усмехнулся гость, намекая на вольное толкование своего имени. – Как можно ого-

лять крепости, если на южном склоне гор скопилось до двадцати тысяч сабель, и это только надежно известные нам силы?

– Их уравновесят силы иного порядка.

Патор откинул сложенные конвертом края свертка и показал собеседнику содержимое: невзрачную темную ткань без узора. Породистое смуглое лицо гостя приметно побледнело. Хищный прищур, взблескивающий искрами интереса, угас под расслабленно прикрытыми веками.

– Воистину Башня применяет сильные средства, – шепотом выдохнул гость. – Цена мира мне представлялась менее... убийственной. Но, пожалуй, поздно менять решенное, да и не привык я перечить себе. Это порой накладно, но... но пусть так. Вы получите то, что стало предметом обсуждения. Одна поправка: посылку доставят после вмешательства провидения. Не теперь, но именно и только – после. Пусть оно укажет, что есть истина.

Гость кивнул, одновременно испрашивая благословения и отмечая окончание разговора, а с ним и свое намерение покинуть обитель. Не дожидаясь завершения ответного одаривания благодатью и прощания, он удалился. Миновав все двести пятьдесят ступеней спуска, гость не выказал одышки, хотя сопровождающие сэrvэды отставали и опасно вжимали головы в плечи. Слишком внятно читался в этой молчаливой спешке гнев.

У дверей гостя ждала карета. Два слуги, не поднимаясь

с колен и не шевелясь даже, держали рапиру и шляпу: оружие недопустимо в стенах оплота веры, как и любые помыслы о причинении смерти, таков канон духовной жизни...

Мужчина резким жестом отстранил слуг и нырнул в полумрак кареты. На дверцах не имелось герба, экипаж был добротным, но неброским, как и одеяние гостя. Всю маскировку разрушало сопровождение – полусотня охраны, сплошная знать. Отдельного упоминания стоил и дон Эппе, именуемый в глаза королевским псом, словно таков его титул. Известный всем в столице лицом и кошмарным своим норовом.

Дверца хлопнула, карета тронулась, паломник с чувством выругался, не заботясь о святости места и греховности своих помыслов и слов. Тот, кто терпеливо дождался паломника в его карете, сочувственно усмехнулся, не проронив ни звука. Подал мешочек, сберегающий золотую шейную цепь с фамильным медальоном и несколько перстней.

– Если бы ты спорил на деньги, мог разорить даже меня, – признал паломник. Отдышался, нанизывая перстни и постепенно укрощая гнев, сделавший его голос хриловатым, а шею бурой от прилива крови. – Он посмел ставить условия. Нет: диктовать их!

– Приятно наблюдать развитие твоей выдержки, почти достигшее взрослости годовалого котенка, – похвалил молчавший до того момента спутник. – Я помню времена, когда ты сказал бы: «Ставить условия Нам», вскипел от своих же слов, вернулся в обитель и ввязался в склоку. Или наворотил еще

невесь каких глупостей.

– Не все потеряно, черт побери, – смущенно буркнул паломник, покосившись на того, кто смел звать его на «ты» и насмеяться. – До вечера разойдусь и наворочу. Твоя очередь ставить условия... Нам, нашему несравненному и лучезарному высочеству.

– Величеству. Вы правите единой Эндэрой, земли востока лишь часть её и к тому же ваш брат...

– Не зли меня. В любом случае я соправитель и желал бы...

– Даже короли не умеют воскресать из мертвых, что бы по этому поводу ни говорил патор. Корона Эндэры – теперь лишь вопрос формальностей и ритуалов. Твоя жена изощренно умна и вовсе не склонна отрицать равенство прав соправления, что бы ни твердили надменные западные доны. Так что я дважды прав – величеству, по крови и по благословению Башни. Изабелла великолепна, так ловко сделать неоспоримым свое мудрое решение о браке, безнаказанно насолить тетушке и наконец-то объединить земли, не орошая их кровью...

– Хватит нудно бормотать то, что знает всякий при дворе. Я уже успокоился. В чем твой интерес, о старый друг, помнящий меня младенцем?

– Не надо так явно намекать на возраст. Хотя да, он дает мне право на фамильярность. В остальном же ничего мне не надобно. Я скучаю и сам не знаю, зачем вдруг захотел по-

общаться.

– Ходят слухи, ты пел ночами для моей матушки, еще когда был молод отец. Может, совесть проснулась или хуже того, родственные чувства?

– Фу, старая сплетня. Ваша матушка была набожна и верна мужу, а ваш отец... я умолчу. Увы, ваше яростное величество, шутка не смешна.

– Разве я смеюсь? Назови цену. Такие, как ты, только в первом круге служат под властью данного сгоряча слова. Ты не мальчишка и разбираешься в ставках больших игр. Явился, испоганил мне траур по брату, лишил меня законного права на выгодную войну с югом, поссорил с Башней. Я чувствую себя глупее глупого. Я, черт подери...

– Не богохульствуй.

– Эо, ты чудовищно стар и не веришь ни во что! Это достоверная сплетня, еще мой прадед знал, насколько она близка к истине. Помнится, некто далекий от богобоязненности учинил изрядный переполох тогда. А уж как жарко стало в большой и недружной семье эмира!

– Не смешивай веру и тех, кто объявил себя её служителями. К тому же время идет, люди меняются.

– Люди... Ты-то тут причем?

– Я тоже меняюсь. Время утекает песком сквозь пальцы. Прежде я не осознавал его ток, но ныне каждое мгновение обрело и звук, и длительность... точнее, краткость. Раха – сила, питающая нас – постепенно иссякает, она на веч-

на. В ограниченности бытия есть немалая прелесть. Жизнь восстанавливает цвета, казавшиеся вылинявшими, вкус её снова манит, как лучшее вино. Растет занятнейшая жажда успеть, узнать и поделиться... Смертность, друг мой, то еще искушение.

– Тебе, подлецу, жить надоело, – обозлился паломник, – а мне наоборот, ничуть! Между тем, ты втравил меня в интригу, из которой нет безболезненного исхода. Я не хотел бы прослыть Бертраном Блаженным, но троекратно не желаю остаться в памяти Буйным, а равно не стремлюсь назваться Юным, скончавшись до срока... Эо, ты не человек в той мере, чтобы я мог сказать, не прячась и не теряя лица: да, мне страшно. Чертовски страшно. Он показал в точности то средство, что ты предсказывал. Он возомнил себя провидением! Его средство будет карать безразлично к титулу, благу для края, доводам рассудка и золота. Ты ведешь себя не лучше, не желая назвать цену. Значит, отказываешься служить, играешь мною... Хозяина Эндэры, кажется, низвели в позорнейший сан шута? – Бертран потрянул головой. Отдышался, чуть спокойнее глянул на собеседника. – Эо, если я не учту сказанного тобой, проиграю. Если последую совету, меня того и гляди уберут с игрового поля. Кроме тебя лишь двое старших нэрриха могут дать защиту и испытывают определенную приязнь к Эндэре. Один невесть где, второй, как мне сообщили, нанят Башней. Бог весть, не по мою ли душу.

– Пообещай ему то, что патор только что испросил у тебя, – лениво зевнул Эо. – Важно тонко подать предложение... С таким делом справится Изабелла, и я желал бы наблюдать за беседой. Он будет взбешен! Хотя взрослые нэрриха редко впадают в бешенство.

– Если он нанят Башней, как перехватить и переманить? Мои люди искали его и не только его с зимы, но, чёрт... Вас найти не проще, чем поймать ветер!

– Однако же мы, неуловимые нэрриха, всего лишь улов ничтожных плясуний...

Эо негромко рассмеялся, повозился и подоткнул под бок несколько подушек. Прикрыл глаза, расслабился. Бертран воспользовался случаем и еще раз, при свете дня и без помех, рассмотрел спутника. Странно слушать жалобы на преклонность лет от существа, которое выглядит прелестным юношей восемнадцати лет. Прикрытые теперь глаза имеют – Бертран знает в точности – тон шоколада, как у всех детей ветра. Впрочем, глаза Эо почти черны, и напоминают скорее о спелом винограде, вобравшем сладость лета. Волосы, вопреки обычаю, не острижены под корень, они длинные, выгоревшие и волнистые. Золотистая кожа безупречна, ни единый изъян не нарушает её бархатистой гладкости, ни одна морщинка не намекает на тяготы прожитых веков... Сплетни утверждают, что Эо, сын штиля – или как его там, пойдни упомни все имена и прозвища – божественно танцует и играет на виуэле. Слагает стихи и исполняет их своим сладким,

чуть вибрирующим, голосом. Вроде бы в прежние времена этот юноша выстроил дворец в столице, у самого берега реки. Влюбленные доньи только что штурмом не брали высоких стен, норовя привлечь внимание. Но подобные Эо не люди ровно в той мере, чтобы ценить непостижимое и отказываться от доступного.

– У тебя есть дети? — поинтересовался Бертран прямолинейно, ведь порой именно так и удается получить настоящий ответ у нэрриха.

– Я не знаю даже, есть ли у меня бессмертная душа, — то ли с насмешкой, то ли с горечью, отозвался Эо. — Но желал бы верить в лучшее... разобравшись, что для меня предпочтительно. Ты прежде задал более насущный для рода Траста вопрос. Вот тебе не сам ответ, но вполне занятная... сплетня. Жил-был дон. Кое-кто полагал его небезнадежным, а иные находили, что, укоротив зазнайку на голову, сделают его гораздо приятнее. Дон изволил быть храбрым до безумия, шлялся по ночам в порту, пил сладкое сантэрийское, купленное у еретиков, и поминал нечистого по поводу и без.

– Милейший человек, — вслух похвалил Бертран.

И про себя подумал: история-то давняя, если сантэрийское еще покупали у еретиков. Ныне в долине их стало куда как поменьше, до трех четвертей населения посещает обители и почитает закон, установленный Башней. И сама долина принадлежит короне, а того точнее — именно его династии, роду Траста. Значит, дело было даже не при паторе

Луиджи, а ранее. Может статься, намек прямой и касается предка. А если нет – то легенда куда древнее и восходит ко временам, когда строили на равных условиях и даже рядом обители по трем законам веры, прежде сосуществовавшим относительно мирно. Тогда событиям много более трех сотен лет... Хотя разве это важно? Дон из рассказа в любом случае производит приятное впечатление и даже кого-то напоминает. Что вполне в привычках Эо: маскировать насмешки под легенды и выдавать неглупые мысли в самой, на первый взгляд, недостоверной форме. Вот и сейчас Эо дразнит, вынуждая гадать, не был ли он сам участником истории, если это не легенда, а быль?

Эо распахнул глаза, по-собачьи грустные, с опущенными уголками век и слишком крупной радужкой, едва оставляющей место проблеску белка. Взмах длинных ресниц получился насмешливым и по-женски кокетливым. Если допустить признание непредвзятой правды, юноша мог бы нарядиться девушкой, нет в нем ни малейшего оттенка мужественности. Но нет и женственности, он слишком иной, разум пытается оттеснить в тень чуждость и подменить привычным. Руки хорошей формы, но кисти некрупные. Пальцы сильные, с характерными мозолями, оголовье рапиры они гладят привычно. Сама рапира старомодна до смешного. Гарда мала и проста. Клинок короче нынешних, зато лезвие куда шире. Скорее уж меч, таким сподручнее рубить, нежели колоть. Весьма похожий клинок висит на стене столич-

ного оружейного зала рядом с покоями короля: им владел прадед и, по слухам, был мастером, поскольку дожил до седин, не прекращая шляться по гостериям, пить сладкое сант-эрийское и полагать себя бессмертным. Малость остепенился предок лишь после неприятной истории в порту. Его подкараулили, и ловко. Однако же некий нэрриха в одиночку помешал расправе, оплаченной и подготовленной со знанием дела.

– У того дона была невеста, – продолжил Эо. Убедился, что слушают его внимательно и снова смежил веки. – Прелестная девица, она умела петь соловьем... более никто не владел голосом так, по крайней мере на моей памяти.

– На твоей, значит.

– Положим, да... Девица была мила и, что куда важнее, имела трезвую голову. Она с растущим беспокойством наблюдала пьяные выходки дона жениха, чей отец был всего лишь третьим претендентом на власть... и подлецом, каких поискать. Он зарезал брата и племянника, и это тоже правда, не добавляющая друзей и сторонников.

– Списки наследования часто стремятся укоротить, тем более при наличии поводов в виде мести, – включился в игру Бертран.

– Мечь точила свой эсток, но девица прибегла к способу, позже вычеркнутому из всех списков, хранимых вне обителей Башни. Темной ночью она пошла к старому колодцу...

– Только без жертвоприношений, – поморщился Бертран.

– Обижает! Даже огорчает, – Эо снова открыл глаза и подмигнул. – Что ты знаешь о вере вне Башни, о старых культах и самом понятии «жертва»? Прочти без спешки заметки того старика. Не зря они тревожат робкого патора Пало: в них много искренности. Жертвой древним многочисленным богам, олицетворявшим природу, могли быть цветы, капля вина, пролитая на алтарь с благими мыслями или хотя бы без ругани. Девица отправилась к колодцу, имевшему название «Поющий о радости».

– О! Неужто тот, в летнем дворце моей Изабеллы, у самого берега? Его вода слегка отдает солью, – живее уточнил слушатель.

– Не исключено, почему бы нет? Она пошла к колодцу и спела просьбу. С душой, без срывов голоса, не особенно громко, это как раз лишнее. Девицу интересовал определенный защитник, и она избрала день владычества его родного ветра.

– И когда же...

– Голос твоей жены, уж прости, не в моем вкусе. Низковат, с легкой хрипотцой, – отметил Эо без тени почтения. – Зато она умна, вы умудрились без войны объединить земли и даже, по слухам, счастливы в браке... вопреки тому, что альянс создан по расчету. О вас даже не сплетничают.

– Мы тверды в вере, тверды до фанатизма, это общеизвестно. Не зли меня.

– Не поддавайся на подначки. Ты в состоянии понять, что

за ветер надобен на сей раз?

– Положим, да.

– Распорядись вычистить колодец и избавить от изменений в исходном устройстве: навес там лишний. Уж не стараниями ли сэрвэдов патора возведен, откуда мне знать?

– Звук теперь, значит, отражается и гаснет...

– Сказано достаточно, более не добавлю ни слова. Мне пора, ворота обители позади, в карете душно, в столице и того противнее. Я всегда любил горы.

Эо глянул в окно и глаза его блеснули азартно, молодо. На тонкой коже проявился румянец. С долей раздражения Бертран подумал: сейчас гость покинет карету, и родится новая сплетня. Мол, кое-кто без жены ездил на север, якобы в обитель, а сам-то, сам-то... Все видели, притащил с собой переодетую девица. Может статья, подобрал в гостерии по пути и развлекался, точно как прадед, чтоб ему в гробу икалось, пьянице, наплодившему слухов никак не меньше, чем незаконных отпрысков...

Мысли свернули с кривой тропки на главный путь: если патор задействовал свой план, как отнестись к тому, что более не тайна и значит, давит на плечи ответственностью? Сэрвэды уже скачут к горам и везут назначенное Башней для крепостей и их жителей «провидение», более похожее на проклятие. А ведь долина – земли Барсы, там живут люди Барсы. Увы, отказаться от применения «провидения» трудно, сейчас войска очень нужны на севере. И совета спросить

не у кого: Изабелле никто не сообщал причин поездки мужа на север. Но, едва правом и именем Бертрана Трасты войска отведут из долины, скрывать сговор станет поздно, во дворце разразится непогода... Башне и это в пользу. Но вот вопрос вопросов: стоит ли играть, если тебя так яростно затаскивают в игру?

Бертран нахмурился. Долго молчал, не в силах избрать решение. Наконец, он снял с пальца перстень, протянул спутнику.

– Возьми. Он надежнее золота или приказов, переданных с гонцом, обеспечит коня, право проезда и содействие на землях Барсы. Не ведаю, как можно предотвратить то, что уже начато. Но пусть моя долина живет без столь жуткого... провидения. Я сегодня не пошел на прямой раздор, даже дал патору некие обещания. Твои советы смутны, и если Башня будет...

– Не позволяй делать за тебя выбор ни мне, ни Башне, ни кому-то еще, – напевно вымолвил Эо. Убрал перстень в кошель у пояса. – Запомни, неумеренность – худший грех для короля. Не повторяй старинных ошибок. Башня охотно поможет северу прибрать к рукам все. Твоя новорожденная дочь, если первой будет именно дочь, вполне способна своим браком убить династию. Кто-то скажет, что она, положим, безумна. И...

– Прекрати! Порой желание прикончить тебя делается слишком уж значительным.

– И снова припомни мои советы по поводу умеренности, – рассмеялся Эо. Стукнул в стенку кареты, давая знак к остановке. Спрыгнул в траву и оглянулся последний раз, ожидая, пока подведут коня. – Все, что я мог, сделал и делаю. Прочее же твое право и дело – решать или не решать, плыть по течению или бороться. Береги семью и не шлейся по порту, ради всех богов древних и новых... – Темные глаза блеснули озорством, Эо одним движением качнулся в седло, склонился к карете и шепнул едва слышно: – Зря переживаешь, что меня сочтут сплетней. Но если вдруг... напomini Изабелле о серебряных розах.

– Что? О каких таких...

Бертран смолк на полувздохе и быстро оглядел спины десятка знакомых с детства приятелей-донов, усердно отвернувшихся, но норовящих все услышать и домыслить. В отчаянии Бертран махнул рукой, то ли провожая скачущего галопом Эо, то ли посылая его подальше.

– Говорят, в бестию были влюблены одновременно дон Кармелло и его сестра, – серьезно сообщил ближний из донов охраны. – Клянусь пресвятой девой, я начинаю понимать, почему. Это существо вызывает приязнь и отвращение одновременно.

– Вроде, ни с чем остались и дон, и донья, – расхохотался королевский пес Эппе, конем тесня охрану подальше от кареты. – Если *оно* чем и интересуется, точно не внешностью. Тем более нет в нем тяги к ночным похождениям. Зато я

знаю толк в драках. И верую истово.

– О, ты исполнен святости, когда трезв, то есть день или два в году, – предположил Бертран, наблюдая, как слуги складывают ступеньку и прикрывают дверцу кареты. – Вперед, хватит бессмысленно тратить время на сплетни и прочие глупости.

Король остался в карете один, но ему казалось, что экипаж проседает на рессорах, перегруженный сомнениями сверх всякой меры.

Можно ли счесть нэрриха – союзником? Стоило ли отдавать перстень в залог союза? Что скажет Изабелла, когда узнает – а королева умеет узнавать то, что вообще ни разу не было сказано вслух... И, черт подери, король он или не король? Неужели он обязан всякий раз, принимая решение, оглядываться на патора, жену, влиятельных донов? Разве это – власть?

Глава 3. Кукла для плясуньи

Первый раз за все время телесной жизни Ноттэ приснился добрый сон, интересный, – такой, что от солнышка, щекочущего веко, пришлось отворачиваться и накрываться с головой, стараясь досмотреть и не проснуться.

Мотылек не спешил взлетать с раскрытой ладони, просто сидел и чуть покачивал крыльями. Ветерок их движения вздыхал без голоса – улыбался. Тьма делалась реже, как истертая ткань, и сквозь неё проступал свет. Тонкие лучики протыкали плетение нитей, сияли. Тень крыльев была перламутровой. Наконец, мотылек взлетел, ладони сделалось одиноко, легко... и это не огорчило, словно так и надо. В полете крылья обрели полную красоту, порхающий цветок вился и танцевал, скручивал воронку ветра. Поднимаясь в ней все выше, в большое золотое сияние.

Проснуться пришлось, когда кто-то совсем по-настоящему пощекотал раскрытую ладонь. Ноттэ вздрогнул, улыбнулся – и сбросил с головы душно одеяло.

Девочка, которой полагалось лежать без сознания, сидела у кровати и рассматривала то ладонь, то голый живот нэрриха: рубаха сбилась к самому горлу.

– Доброе утро, – предположил Ноттэ.

– Доброе, – кивнула девочка и осторожно улыбнулась. – Ты спас меня. Я знаю твердо, хотя и не помню ни-че-го о про-

шлой ночи. Меня зовут Зоэ.

– Хорошее имя, – нэрриха удивился собственному на-строению полнейшего благодушия, такому редкому, мало-знакомому. – Мое имя Ноттэ. Доброе утро, Зоэ.

Нэрриха приподнялся на локте. Его не занимали вопро-сы, не интересовали ответы. Начинался прекрасный день со-гласия с происходящим и приятия мира в самом светлом и праздничном виде. Девочка снова улыбнулась. Постучала пальцем по ладони нэрриха, затем – по его животу.

– Эй, а ты кто? Я думала, у всех людей есть пупок, и линии на руке лежат одинаковой сеткой.

– Очень сложный вопрос. Пожалуй, я не стану отвечать целиком, ведь и самому мне не до конца очевидно, кто же я. Но могу рассказать сказку. Только сперва ответ: давно проснулась? Тебя накормили?

– Проснулась давно, – Зоэ принялась ощупывать волосы, вздыхая и норовя ногтями продрать кожу головы, наверняка нестерпимо зудящую после пребывания в море. – Чешется... Ужас как чешется! И живот бурчит. Только я лежала тихо, мало ли, кто там. Боязно.

Зоэ пальчиком указала на дверь и поджала губы, насторо-женно прислушалась. Подвинулась ближе к нэрриха и вце-пилась в его руку. Ноттэ ощутил, как в сияние приятного дня вползает тень раздражения. Если бы чернобородого удалось убить еще раз, стало бы легче... Но, кажется, формула из ста-рой книги Башни в нужном звучании радикально исчерпала

вражду, стерева врага из мира навсегда. Но слово, пусть самое могущественное, не сумело отменить для Зоэ страх пережитого и вернуть ей доверие к людям. На шхуне, теперь нет сомнений, с плясуньей обращались отвратительно. Хотя надо быть окончательным мерзавцем, чтобы не пожалеть ребенка, к тому же столь интересного. Девочка не склонна к панике и любознательна. Хороша собой, путь и не по взрослому, а всего-то скоротечной и робкой красотой ранней весны – преддверия юности...

– Мы в каюте «Гарды», – сказал нэрриха. – Это самый быстрый и красивый люгер Эндэры, ему нет равных во всем свете, так скажу и буду прав. Здесь никто не обижает детей. Тебя спасали всей командой. Думаешь, легко найти в огромном море, ночью, маленькую девочку?

– Но дверь закрыта, и они ходят туда-сюда, стерегут, – упрямо замотала головой Зоэ. – Я в щелочку глянула, знаю.

– Дверь открыта, надо посильнее нажать. А ходят – да, всем важно понять: вдруг тебе плохо и нужна помощь?

Зоэ кивнула, дернула плечом – верю, стараюсь, но руку не отпущу. Задумалась и потянула запястье ближе.

– А как же тот черный, Борхэ? Он числится моим опекуном, только он совсем злой, ты не отдавай меня, ладно? Пожалуйста! – Зоэ заговорила быстрее и тише. – Он явился прошлой осенью, сказал, что друг дядюшке и выполняет его последнюю волю. Что у меня дар и надо ехать на остров Наяд, денег дал... Письмо показал. Ему поверили, а я что? Я

и кричала, и сбежать пробовала, только он совсем не прост. Ты бойся его. Он убивает людей. Я видела, он совсем без души, режет – и улыбается.

Вывернув весь ворох ужасов, Зоэ задохнулась, побледнела и закусила губу. Пришлось вставать, искать рубаху, заматывать поверх штанов и одернутой рубахи широкий пояс, исключая возможность для всех подряд удивляться отсутствию пупка. Девочка бегала следом, помогала и не отпускала руку, как привязанная. Клятвенным заверениям, что злой Борхэ никогда не появится – не верила и пугалась все сильнее. Щеки бледнели, лицо вытягивалось, становилось совсем узким, болезненно-несчастливым.

– Сдаюсь, – нэрриха сел на край койки и виновато повел свободной рукой. – Я убил его. Не хотел говорить, нехорошо с такой новости начинать день...

– Совсем убил? – строго щурясь и дергая за руку, уточнила Зоэ. – Надежно? Он огромный, а ты не особенно удался ростом. У него здоровенная рапира, он звал себя грандом и мастером, и еще...

– Совсем убил, – нэрриха прервал перечисление. – Точно.

– Насквозь, да? Еще надо помолиться и похоронить в хорошей земле, чтобы из него злость не вылилась этим... привидением. Вот.

Зоэ чуть успокоилась и села на пол, силы закончились, страх прошел, новизна впечатлений поугасла – осталась лишь слабость. Девочка вздохнула, покосилась на дверь.

– Я сказал все нужные слова, надежнее некуда. Давай я укутаю тебя потеплее, вот так, и мы пойдем знакомиться с Бэто, помощником капитана. Он наверняка ждет нас, чтобы завтракать всем вместе.

– Завтракать, – Зоэ шмыгнула носом и принюхалась. Снова вздрогнула и уточнила: – А плясать не заставит?

– Нет. Только кушать. Досыта.

Идея вынужденного танца, противного плясунье, была совсем нова для нэрриха. Он истратил некоторое время на обдумывание. Молча завернул Зоэ в шерстяное одеяло, поднял на руки, миновал каюту и открыл дверь. Не хочет танцевать! Ноттэ тряхнул головой и фыркнул. Он прежде имел ложное, как теперь ясно, убеждение: все одаренные плясуньи желают вершить волшбу, жажда власти над ветром у них в крови. Оказывается – нет...

– Сони очухались! – прогудел голос капитана, надтреснутый и тихий, но вполне настоящий...

Вико полулежал в кресле, наспех изготовленном из досок и натянутой холстины. Он рассматривал небо, паруса и иногда поднимал голову от подушек, чтобы глянуть и на команду, и даже на море.

– Ты должен был бредить еще дня три, – возмутился Ноттэ.

– Никому я ничего не должен, вот дурость! Даже тебе, – уперся капитан. – Я кинул веревку, ты убрал с палубы «Гарды» мразь, мы оба справились и не наделали долгов. А вот

ежели бы ты, положим, упустил злодея, образовался бы презренный счетец. Или не найди ты малявку – ну, вовсе беда, за борт тебя, неумеху, и все дела.

Зоэ захихикала, наконец-то отпустила запястье нэрриха, спрыгнула на палубу. Удобно перехватила края одеяла и осторожно, по шажку, стала продвигаться к грозному капитану. Вцепилась в его руку, уверенно оглядела палубу, паруса. Посмотрела и на моряков – уже не вжимая голову в плечи и не стараясь спрятаться с головой в одеяле.

– Знакомься, – помог Ноттэ. – Это Вико, капитан. А это Зоэ, новая пассажирка «Гарды».

– Годится, – буркнул капитан и вновь откинулся на подушки, пряча слабость за напускной суровостью.

Нэрриха склонился ниже, поправляя подушки и шепнул совсем тихо:

– Ты ночью советовал мне слушать сердце?

– Ночью я, знаешь ли, был далековато, а советов пассажиркам я не даю никогда, – упрямо буркнул капитан. Прикрыл глаза, мешая разобрать на дне их, насколько честен ответ. Добавил с издевкой: – Иди, обед стынет. Мотылькам, и тем надобна еда. Людям тем более.

Нэрриха кивнул, приобнял девочку за плечи и направил в сторону капитанской каюты. О мотыльках он не говорил ни слова, это очевидно. Капитан ночью был без сознания и вслух не бредил, это тоже понятно. И все же нечто – было. Нечто настолько неуловимое, как и обещал тот старик нэр-

риха, смотритель маяка.

Бэто суетился в каюте и сиял непрерывными улыбками, гордо именовал себя помощником и, кажется, мечтал о постоянном месте второго за плечом бессменного и несравненного Вико.

Зоэ кивнула, выслушав имя нового человека, юркнула на указанное место, схватила ложку, подтянула миску и принялась даже не есть – жрать. Она давилась, глотала непережеванные куски рыбы, запивала жижицей через край, поскорее и побольше. Она облизывалась, чавкала и вытирала губы тыльной стороной ладони. Она, расхрабрившись, тянула к себе все новые миски, наклоняла, изучала содержимое и указывала пальчиком – кладите мне это, и это, и это тоже.

– Лопнет, – испугался Бэто, безропотно вываливая в плоскую чашку тушеные бобы, добавляя ломти мяса и дольки соленой рыбы. – Дон Ноттэ, хоть вы ее уймите, пожалуйста.

– Капитан наш как – поправляется? – нэрриха не пожелал поддержать тему.

– Ноги плохо чувствует, особенно правую. Пятку кололи иглой, он и не заметил, – расстроился Бэто. – Страдает. То есть сердится и ворчит пуще прежнего. Чтобы не жалели его, значит. Не хочет сходить на берег.

– В один день здоровья не вернуть, – отмахнулся нэрриха. – Сможет ходить. Пусть с палкой, но все же сам.

Зоэ оттолкнула пустую миску и с опаской осмотрела грудку еды на плоской тарелке. Первый злой голод улегся, и соб-

ственные запросы теперь выглядели непосильными.

– Ло-опну, ну правда, – шепотом пожаловалась девочка, глядя на помощника капитана, сочтенного младшим из взрослых в каюте и самым податливым.

Бэто не подвел. Выделил новую тарелку, чистую. Переложил в неё всего-то одну ложку бобов и не стал насмешничать. Унес гору еды и не отругал, и не рассердился. Вернулся, прикрыл дверь и сел на свое место.

– Теперь можно поговорить, так приказал капитан, а он всегда прав, – сообщил Бэто. – Ноттэ, вы готовы сообщить: что делать с новой пассажиркой? Не Башне ведь отдавать.

– Башня отправит Зоэ на остров Наяд, это в лучшем случае, – задумался нэрриха. – Её вынудят изучать танец во всех тонкостях. Башня напоказ преследует исполняющих пляску, называет это занятие черной волшбой, и все же не искореняет окончательно, чуя пользу.

– Я всю зиму жила на острове, мучилась, – Зоэ облизала ложку и отложила. Вздохнула, устроила локти на столе, подпирая ими щеки. – Гадость! Моя бабушка умела танцевать. А эти, на острове – тьфу, дешевки, мякина, шелуха. Дуротопки и пустотопы. Вот.

– Сколько слов! – поразился нэрриха.

Сытая Зоэ порозовела от возбуждения и возмущения, сочтя, что её высмеивают. Вскочила и заговорила громко, сопя и размахивая руками, хлопая в ладоши, то и дело запуская пальцы в волосы, все сильнее расчесывая кожу головы и шеи.

– Правду говорю! Я толстая и старая буду лучше их, вот! Моя бабушка в шестьдесят два танцевала, а эти смолоду только топают и сопят, вот! Руки туда, руки сюда, дышать, глядеть ах, глядеть ох, первая поза, вторая, ля-ля, глупости! – Зоэ зашипела и оттолкнула стул, освобождая место. Подняла руку и сделала сложное движение. – Это вот, растущее, бабушка называла его цветок радости и весенний огонь. Могу так, могу так и так – тоже неплохо, и только внутри знаю, как правильно прямо сейчас. Оно всё – внутри! С чего бы разным пустотопам знать, куда надо глядеть и как? Всякие день по-правильному выйдет иначе, потому что день-то иной! Они совсем, ну совсем ненастоящие! У них только такты и ритм. Что я, глухая? Зачем они взялись учить меня тому, что я в три годика уже знала?

Девочка задохнулась, возмущенно махнула рукой и отвернулась к стене, шмыгая носом и обижаясь совсем по-настоящему, до слез. Нэрриха смущенно пожал плечами, убрал от края стола покачнувшуюся тарелку, дотянулся до локтя Зоэ и подтащил её к себе, не обращая внимания на сопротивление. Укутал в одеяло и усадил на колени.

– Между прочим, я не спорил. Ясно?

– Ну...

– Я ни за что не соглашусь отослать тебя на остров. Потому что я, если честно, два круга назад... Это по-людски в годах не меряется, но скажу так: два круга моего опыта – это очень, очень давно! Тогда я хотел разгромить школу остро-

ва Наяд. Потом подумал: зачем? Если люди не умеют жить танцем, они уже и вреда не причинят, и волшбы не раскроют. Знаешь, что я сделал? Привез туда трех самовлюбленных учителей и дал школе золота. Много! Золото убивает память и волшебство надежнее, чем сталь клинка. Такой я коварный злодей... – Нэрриха развел руками и вздохнул. – Горжусь собой. С усилением школы злокозненная волшба пошла на убыль. Нэрриха постепенно сделались редкостью. Нас новых за прошлый век пришло всего двое. Вот так. И будь уверена, Башне мы пока не скажем, что ты выжила. Теперь слушай обещанную сказку. И Бэто пусть слушает, – добавил нэрриха, глянув на помощника капитана, готового понуро уйти. – Давно это было. Или не было? Кто теперь скажет наверняка...

Давно это было. В незапамятные времена, когда боги селились совсем близко, еще не отгородившись от людей. На вершинах рослых гор тогда было обычным зрелище радуг и вспышек, обозначающих, по мнению людей, праздники небожителей.

В храмах не поклонялись, не просили о милости. Туда приходили, как мы теперь к приятелям – на посиделки. Поболтать по-соседски, отругать за глупость и неправду в сухой год, вразумить и укорить, если зерно замокло или болезнь косит скот. Порадоваться вместе большому урожаю и сытости, здоровым детишкам. Обдумать правоту того или иного

решения.

Само собой, боги – они не похожи на людей теперь и прежде не были таковы. Они не отвечали словами, не включались в споры. Но сказанное искренне, от души, вписывалось в единую книгу бытия и делалось значимым. А когда не удавалось достичь понимания, когда пробежала трещина, разделяя единое и разрывая связи миров, – тогда обращались к сильным средствам.

С твердью общались редко, она непостижима в своей неспешности. У огня советов искали с большой опаской – его лучше не тревожить, вспыльчивый... Довольно часто пели для вод: потому что вода и есть сама память.

Но охотнее и внятнее всего людям отвечал воздух. Он принимал и пение, и воскуривание благовоний, и танец. Пребывая в крайней нужде, люди говорили: «Надо принять в семью гостя, вместе сладится и непосильный путь».

Приглашая ветер, танцевали, вкладывая в движение тела – душу. Срезали прядь волос, произносили клятву и ждали гостя, заранее выбирая имя и отстраивая дом... Потом что-то надломилось, ослабла связь миров. Может, душа у людей подостыла? Кто знает. Уклад жизни переменялся, место богов в душе сделалось малым, а место повседневного – главным.

Боги тоже переменялись, ведь они хоть и не умирают, но перерождаются. Слои мира разделились, отошли один от другого. Те, кого люди звали через танец, оказались

в нелепом положении нежданных, мимохожих странников. Они будто бы застревали на полпути, еще не люди – и уже не ветры...

Нэрриха горько усмехнулся и шелкнул притихшую Зоэ по носу.

– Душа сильнее всякого закона. Знаешь, вот гляжу на тебя и думаю: неумный я. Обвинил плясуний и такого наворотил... а не все виноваты. Только пустотопки. Если бы ждали и звали с наполненным сердцем, все было бы хорошо.

– Ну и дела! То есть ты – прям почти что бог? – шепотом ужаснулась девочка.

– Нет! – сразу отказался нэрриха. – В исходном звучании наше название было короче и проще, нечто вроде «раха». Отрезанная прядь... Малая часть целого, ломоть, неполнота, ходячий вопрос, грива ветра, текущая сквозь пальцы, неуловимая, но все же пойманная, как репей, волосами плясуньи.

– Это точно – сказка? – подозрительно хмыкнула Зоэ. – Ты же есть, ты спас меня. И тот злой, он тоже был взаправду. Все время требовал, чтобы я плясала. Ждал чего-то и лупил. Кормил не досыта: я не справлялась с делом, важным ему.

– Это была сказка, – предположил Ноттэ. – Она соткана из домыслов, в ней нет настоящего и... худшего. Сейчас у слова раха иной смысл, близкий к «сила». Когда-то, может статься, раха черпали для общей пользы. Теперь все стало не сказочно, а подчинено выгоде. Плясуньи готовы наполнить волшеббу любой, самой негодной и дешевой, силой. Дей-

ствуют неумело, пряча гниль души за гомоном восторженной толпы. В умах и душах зрителей созревает ложный, слепой зов. Башня презирает танцующих – но учит их. Нэрриха, носители раха, нужны теперь не для установления промысла божьего, вот еще сказки.

– А зачем?

– По разному... – Ноттэ сам не знал, отчего взялся отвечать, и тем более – вслух. Может, пробовал извиниться перед этой плясуньей за обиды, причиненные иным? – Нас называют клинками воздаяния. Сто двадцать три года назад один из нас вырезал население небольшой долины, тем исключив бунт и угрозу распада страны. Сорок семь лет назад другой нашел и казнил гранда Альдо, весьма опасного человека, имевшего сторонников и влияние в окружении маджестика. Тот Альдо фальшиво благоволил ростовщикам из-за их золота, пытался уничтожить власть короля и окончательно сошел с ума на изготовлении ядов. Двадцать лет назад кто-то разобрался с пиратами, в один сезон очистив от них воды ближних морей.

– Кто-то, – повела бровью Зоэ.

– Надо спросить у капитана, – задумался Бэто.

– Язык отрежу, – нарочито строго пообещал Ноттэ.

Немного помолчал и добавил другим тоном, совсем серьезным: – Бэто, мы не спасли девочку. Невозможно в ночном море найти бочку! Если хоть кто-то из команды скажет иное, вам не жить. И ей – тоже. Башня не допускает распростра-

нения опасных знаний, даже слухов... Зоэ, мы оставим тебя на острове. Совсем одну. Это трудно, но ты сильная и должна справиться. Я закончу неотложные дела: передам гранду Башни сундук Борхэ и расскажу, что следует. Провожу «Гарду» в новое плавание. Вот после этого я стану свободен и смогу вернуться на остров. Заберу тебя и тогда все станет хорошо. Обещаю.

– Я справлюсь, – сразу кивнула Зоэ. – Только еды оставьте, ладно? И ты уж поскорее.

– До осени появлюсь, а надежнее срока не дам. Сама понимаешь, лучше назвать длинный, чем вынудить волноваться.

– До осени, – задумчиво повторила Зоэ, глянула на стол и вздохнула. – Впрок бы чего съесть, но уже не могу. Эй, Ноттэ, а мне что, нельзя танцевать? Я не хочу никого силком тянуть в гости. Вот.

– Все, кто пришел в мир, отозвались взрослым плясуньям, – нэрриха нехотя выдал еще одну порцию запрещенного знания. – Танцуй пока что спокойно. Только с ветром поосторожнее, не зови, не играй бессознательно. Кажется, он отмечает тебя и замечает.

– А ты умеешь танцевать? Может, сам бы расстарался и снова фьють – туда, откуда пришел? – Зоэ ткнула пальцем вверх.

– Подобное казалось логичным. Я пробовал. Давно. Но – не получилось «фьють».

– Ха, а вдруг ты пустотоп, – прищурилась Зоэ. – Встань и попляши, я гляну.

– Зоэ, я не твоя кукла, – рассердился Ноттэ.

– Если верить сказке, ты и не человек!

– Пойду сам откушу язык, – тяжело вздохнул Бэто и побрел к двери. Буркнул с порога: – и уши заткну чем понадежнее.

Девочка вывернулась из одеяла, дотянулась до яблока и принялась подбрасывать его на ладони, вышагивая по каюте из угла в угол, огибая стулья и сундуки, хмурясь и упрямо сопя. То есть полагая свое пожелание оставшимся в силе и требующим исполнения.

Ноттэ сидел и молчал, будучи не в состоянии разобраться, что копится в душе – раздражение или удивление. Нельзя и представить, что однажды это милое существо с живой и светлой душой вырастет, выйдет на площадь, шурша монетами в ожерелье, пощелкивая пальцами и напевая. Заранее победно щурясь... Поправит на плечах узорную шаль, вся польза которой – длинные кисти, трепещущие на ветру, переливчатые. Площадь будет во все глаза толпы, гомонящей и затихающей, глядеть на плясунью, охать общим голосом и дышать в такт, и замирать по взмаху руки. Зоэ станет творить волшеббу, вырывая из потока ветра свободную прядь, спутывая и превращая всего лишь в жалкую, несчастную куклу. «Попляши!» – прикажет она. И еще один сын ветра окажется обречен служить тому, кто найдет его, ничего

не понимающего, новорожденного. Кто обогреет, утешит... и вынудить произнести клятву найма, не поясняя до поры её подлинного смысла.

– Злодей Борхэ твердил, что я хуже змеи и во всем виновата. Он твоего рода. Будь я старше, ты бы сам прибил меня, – топнула ногой Зоэ. – Как будто я виновата, что такой родилась! А я верила тебе.

– Я не убиваю танцующих. Всего лишь дарю им цветы... дарил. Больше не буду, наверное, – выдавил Ноттэ. – Поддельная волшба сама мстит тем, кто солгал. Вместо восхищения они готовы принимать жадность, вместо уважения – зависть, вместо веры – пользу. Они стремятся быть желанными для всех смотрящих, это убивает без моего вмешательства. Я лишь ускоряю неотвратимое. Не допускаю зова в полную силу, когда могу и успеваю.

– Но моя бабушка всю жизнь танцевала. Не было вреда! У нас весь род такой, мы храним рисунок танца и строй души, передаем без ущерба, это важно и хорошо.

– Откуда тебе знать?

– Она однажды сказала, что её бабушка ей сказала, что её папа был тот, кого позвали, – выпалила Зоэ. Гордо подбоченилась, наблюдая недоумение нэрриха. – Ну? Съел? И никакой он был не кукла, раз я – человек, и бабушка человек, и её мама тоже. Вот.

– Борхэ... он знал?

– Не сказал. Но каждый раз лез в мой танец. И все портил.

– Пустотоп?

– А, ты понял!

– Я? Наоборот, запутался. То есть для меня вполне нормально очередной раз выяснить, что правда – еще не истина, что ответ – лишь очередной мираж... – нэрриха усмехнулся. – Значит, я все же твоя кукла. В какой-то мере.

– Как все спутано, – пожаловалась Зоэ, яростно продирая пятерней волосы. – Почему нельзя не думать всякости, а встать и постучать пятками по палубе? Я сразу скажу, шелуха и тьфу – или есть надежда. Еще буду знать, правда ли ты собираешься вернуться на остров и забрать меня. Чтобы дальше – все хорошо.

Ноттэ нехотя кивнул, признавая доводы если не надежными, то самое меньшее допустимыми.

– Ну, чего ты боишься? – возмутилась Зоэ. – Если из нас двоих на ком и есть долг, то, ясное дело, на мне! Ты спас, я обязана тебе жизнью.

Ответить сделалось нечего: глупо и дальше прятать от себя – свой же страх. Так удобно было обвинять плясуний в постигшей беде, наказывать их, не пятная рук. Это оправдывало многие неблагоприятные дела прошлого: и грязноватые договоренности с Башней, и умение пользоваться людьми. Вдобавок право на воздаяние сокращало горечь одиночества, превращая его – так казалось еще недавно – в избранность.

Но сегодня день перемен. С ночи пошло все по незнако-

мой тропке, да так и не меняется к прежнему. Его воспитывал голос полумертвого капитана. Это что, это еще приемлемо. Но наставления и поучения ребенка...

Нэрриха убрал в сторону одеяло, встал, шагнул на свободное пространство. Повел плечами, глядя в серо-карие глаза Зоэ и впервые точно отмечая их цвет. Сделал первое движение, поднимая руку и... остановился на полувздохе. Помолчал виновато, изучая морщинку меж бровей и невысказанное вслух огорчение, превратившее рот Зоэ в прямую линию губ – втянутых, словно проглоченных.

– Не то?

Она помотала головой, рассыпая по плечам путаницу грязных волос. Прижала к груди нэрриха узкую ладошку, слушая его сердце. Осторожно улыбнулась.

– Без пупка можно жить, но без мамы, папы, бабушки и прочих... – посочувствовала девочка. – Хотя бы сердце у тебя имеется, а то я прямо испугалась. Ты топтался. Просто так, понимаешь? Ничего не рассказывал, ни о чем не спрашивал, не радовался, не грустил. Плохо.

– Пустотоп?

– Погоди, – Зоэ не пожелала выносить приговор. – Еще попробуем. Мне бабушка говорила: танец сродни горению, когда нет огня, все прочее – обман. Красная юбка не делается пламенем, если ею махать туда-сюда. Тряпка она, ясно? Тряпка треплется, а огонь дает тепло. Вот... Ты рад за капитана? Я сразу поняла – он такой, за него надо радоваться.

– Рад.

– Вот! Закрой глаза и сделай хоть какое движение, не важно, красивое или вовсе простое, лишь бы от души. Не спеши. Не хмурься, ты ужас какой серьезный. Не бойся.

Нэрриха рассмеялся: еще никогда дети не уговаривали его – не бояться. Станный день. Он слушает невнятные наставления и верит: в словах содержится польза. Что особенное можно «сделать» в память о радости видеть Вико – живым? Главным пожалуй, было движение крыльев несуществующего мотылька, когда тот взлетел с ладони. Ноттэ повел рукой, пытаясь уловить сгнувшееся. В запястье тотчас вцепилась Зоэ.

– Ага! Можешь ведь! Моя бабушка так и говорила: не добавляй от себя и не выдумывай. Сколько запомнила – и ни полушага впустую, сколько есть тепла – и не более, чего тряпкой-то махать? Ветер – он не бык... Ты двигался тепло, без обмана. Пока хватит. Пока что.

– Сложно учишь. Что же это за танец – на одно движение?

– Когда моя бабушка собиралась танцевать, она только шла, а все уже не дышали. Это внутри, как вода в кувшине. Ты собрался топтать ногами, хотя был пустой. Она была – полна. Вот.

– «Вот» – это вместо всего, что ты сама не усвоила, – догадался нэрриха, раскрывая глаза и улыбаясь. – Спасибо, малыш. Очень давно никто не дарил мне такой основательный кусок ответа. Я буду думать и постепенно пойму, к какому

вопросу он подходит. Идем, тебе пора отдыхать. Сколько губы ни кусай, зевок заметен. Я был бы рад поговорить с твоей бабушкой.

– Будь она жива, меня никому не отдали бы, – поникла Зоэ. – И ты прав, я ни разу еще не выходила на площадь и не была полна. Знаешь, как страшно решиться? Это же надо до доньшка, не жалея тепла и зная, зачем...

Зоэ зевнула, пожала плечами и послушно покинула каюту, подталкиваемая в спину. Прошла, куда вели, улеглась, укуталась в одеяло и закрыла глаза, кивнув без слов на пожелание отдохнуть и не переживать ни о чем. Нэрриха постоял, пытаясь повторить движение руки, обозначившее мотылька. Не смог, отмахнулся от глупостей и вернулся на палубу. Посидел рядом с Вико, обсуждая невинное и неопасное – погоду и улов рыбы на ужин. Уточнил, где теперь вещи, принятые с борта шхуны. Кивнул и спустился в трюм.

Сундук покойного Борхэ был заперт. Нэрриха с усмешкой взломал замок. Башня, как и любая другая людская власть, в честность не верит. Есть ненарушенный замок? Значит, ты не просто вор, но вор ловкий, коварный вдвойне. Клянешься на священной книге, что не вскрывал и даже не помышлял о подобном? Ты еще и лжец, да хуже – богохульник... Одним движением кинжала Ноттэ снял с себя неизбежные обвинения и приступил к осмотру содержимого. Он вынимал вещи по одной, встряхивал, проверял у одежды карманы и подкладку, у книг – переплеты, у шкатулок – стенки, дно

и крышку. Монеты ссыпал в заранее приготовленную миску. Сомнительное имущество отодвигал в сторонку. Неинтересное, обыкновенное – сворачивал, чтобы после осмотра вернуть в сундук. Изредка щурился, поглядывал в проем люка, ожидая разрешения шуточного спора, затеянного с самим собою.

Бэто явился любопытствовать через час по внутреннему ощущению времени. То есть терпел, сколько мог и еще немного, ровно как от него и следовало ожидать в его азартном возрасте... Пришел не абы как, с масляной лампой, которую предъявил, как весомый повод для посещения трюма.

– Темно тут, – для надежности уточнил Бэто.

– Если загораживать спиной свет? Да, тогда темновато, – не оспорил Ноттэ. – Не шарахайся, пришел – значит, пришел. Вешай лампу, спасибо.

– Я подумал: если бы было нельзя, вы сказали бы, что совсем никак, настрого. Про язык добавили, – не пряча улыбку, отметил Бэто.

– Принеси короб или корзину, тут имеются женские вещи. Может, куплены впрок для Зоэ, а может, еще кто трепыхался у паука Борхэ в сети, но спасти ту муху было некому, – задумчиво проговорил Ноттэ, указывая на пухлую стопку одежды. – Сумку принеси. Я кое-что отложил себе.

– Деньги должны достаться Зоэ, – внятно выговорил помощник капитана, глядя собеседнику в глаза, моргая, краснея, но не меняя строгого тона. – Там, на палубе, все так ду-

мают. Опекуном злодей назвался – путь исполняет, что следует. Мертвый он может и пользу принести.

– Да, от живых вреда куда больше, – согласился нэрриха. Вздохнул и добавил: – А уж мороки...

Бэто просиял, сочтя себя вполне въедливой «морокой», метнулся к люку, принял с палубы корзину и короб, заготовленные заранее. Вернулся, сел у горки женских вещей и начал бережно перекладывать их в короб. Монеты из миски, не ожидая указаний, он сразу ссыпал в кожаный кошель и уложил на дно. На дневники и книги в засаленных кожаных переплетах косился часто и жадно. Вздыхал, несколько раз украдкой щупал уголки страниц, но замечал неодобрение и отворачивался.

– Никогда не пробуй связываться с жульем, – посоветовал Ноттэ. – Ты безнадежен в этом отношении. Честность – она вроде фонаря: тебя видно всем, а самому тебе никого и не различить в тенях. Не сопи. Самая большая книга по весу и размеру, эта вот – лоция. Она не нужна мне. Вскрою переплет, осмотрю. Если что найду, заберу. Прочее достанется тебе.

– Спасибо.

– Гранд обязательно допросит. Не лги, что не спускался сюда и не подглядывал. Хочешь спрятать большую тайну, выдавай малую, краснея и заикаясь. Мол – да, аж чесалось, как донимало любопытство. Денег не брал, зато выпросил книгу. Нэрриха, дескать, посмеивался надо мной и в оплату

потребовал подать на ужин икру летучей рыбы.

– Откуда ж я её...

– Не знаю. Но ты достоверно возмутился, запомни настроение.

– Да.

– Тебе еще врать, что ни разу не видел девочку. Это труднее. Прочие в команде сделают каменные рожи, им не впервой. Ты не справишься, молчать не силен, на лице все читается без слов... Изволь при любом вопросе о ребенке, бочке, поиске и лишних днях отсутствия в порту замирать и усердно представлять себе капитана. Как ты увидел его – с клинком в теле. И как спросил у меня, жив ли он. Не слова вспоминай, ощущения. Жалей себя и его, не отвлекайся и вопросов не слушай, ясно?

– Вроде...

– Вместо ответа рассказывай, как я убил чернобородого. Подробно, по мелочам. Только это, не сбиваясь ни на что иное. Они о плясунье – ты о злодее. Они о бочке – ты о капитане. Вполне понятно, на твое упрямство станут злиться, пригрозят списанием на берег. Но даже в худшем случае не жалей ни о чем. Ты спасаешь жизнь хороших людей и стараешься не стать моим врагом. Это тоже важно, знаешь ли.

– Ой, ладно, злодей из вас никакой, – отмахнулся Бэто.

– Лучше не проверяй. Впрочем, ты и не станешь. Что еще желаешь выяснить себе во вред? Дерзай, я пока что, сам не ведаю отчего, готов отвечать на вопросы.

Нэрриха закончил разбирать вещи, выпорол из потаенных слоев за подкладками два листка бумаги, рассмотрел, отложил в сторону. Принялся укладывать вещи обратно в сундук, по мере сил сохраняя прежний порядок. Насмешливо глянул на Бэто, сосредоточенно притихшего, но вовсе не из страха.

Разве есть единый для всех ключ, замыкающий или размыкающий уста? Люди ничуть не схожи внутренне, даром что внешне устроены подобно. Ноттэ любил мысленно уподоблять людей – кораблям. Есть пиратские: им лишь бы урвать, черный флаг – символ их жизни и основа воззрений. Есть рыбаки, им важно набить брюхо жратвой, пусть даже подгнившей. Есть торгаши, всякое содержимое они измеряют золотом. Много в море кораблей, по слухам – и призраки водятся среди них... Но лучших, безупречных, единицы – как «Гарда» с её капитаном, подобравшим команду под свои представления о мире.

Все настоящее – штучно и неповторимо. Когда-то это огорчало: неужели хороших в его понимании людей мало? Потом Ноттэ повзрослел и начал радоваться своей удаче, позволяющей замечать издали этих настоящих и не сторониться встречи.

Только сойдясь борт к борту можно оценить корабль. А человека понять еще сложнее: может, он всю жизнь маскируется под пиратским флагом, стращая рыбаков. Или, прикинувшись жадным купцом, исследует мир, раздвигая его

границы...

Размышляя и радуясь тишине, Ноттэ просмотрел записи дневников и пометки на полях книг. Он не вчитывался, привычно, впрок поставляя работу памяти и уму. Подумав так и сяк, отложил тонкую сшивку листков: сразу видно, это – не для Башни. Что бы ни думал покойный Борхэ о природе нэрриха, даже ошибочно, его мысли не стоит доверять людям. Не должен попасть к гранду и список из пяти женских имен, в котором четыре зачеркнуты, причем последнее из таких – «Зоэ, порт Касль».

Загадку дара плясуний пытаются решить, наверное, все нэрриха, эти пряди ветра, однажды вовлеченные в танец жизни. Единого ответа нет... Башня, например, полагает плясуний наживкой, позволяющей подсечь и выволочь в найм свеженького нэрриха. Башню можно, в общем-то, понять: как ей управлять неким Ноттэ? Как, если он давно никому не должен и ничего не изволит делать против воли? А заставить его – дело слишком опасное. Гранд Альдо попробовал, даже составил сложный яд, намереваясь вызвать привыкание и упрочить свою власть. И поплатился.

– В чем смысл жизни?

Ноттэ вздрогнул, возвращаясь из раздумий и недоуменно глядя на забытого Бэто.

– Что? Ну, ты не мелочишься!

– Я сперва хотел узнать, есть ли у моря западный берег или там обрыв, край мира, – сообщил помощник капитана,

гордясь похвалой. – Потом подумал: можно сплавить и проверить. Потом еще думал, и еще. Всякое. Наконец, выбрал. Вы уважаете капитана. Вы даже считаете его лучшим из людей, наверное. Я тоже чувствую так. Значит, в его жизни все правильно. И какой должен быть смысл, чтобы так вот – уважали?

– У каждого свой, – вздохнул Ноттэ. – Я не настолько человек, чтобы знать в точности. Если брать в пример Вико, так главное слово будет – настоящий. Он капитан, каких поискать. Команду собрал, в руках держит. Дело знает, тебя растит. Убеждения в нем есть, заблуждения имеются, упрямство немалое. А гнили нет. Все люди разные... Нет правды, годной любому. Вико если и делает долги, сам готов рассчитаться, вот что я ценю. Иные люди к старости накапливают такие счета, аж глянуть противно. Они и сами не оглядываются, и, если кто напомним их прошлое, того – за борт... Не люди, мусор.

Нэрриха поднял лоцию, взвесил на ладони – тяжелая книга, основательная. Пальцы ловко прощупали переплет, промяли обложку, сгибы, кромки.

– Держи. Ничего в ней нет, портить переплет не стану. Но – уговор. Сегодня пролистаешь всю, прогладишь ладонями каждый лист. Если найдешь хоть малый след игольного прокола или иной знак, покажешь мне.

– Спасибо!

Ноттэ усмехнулся, сгреб в корзину выбранное для себя.

Снял с крюка лампу и пошел к люку, блеклым прямоугольником обрамляющему вечер там, вне трюма. Бэто нес короб и прижимал локтем свою драгоценную лоцию. То был, по мнению Ноттэ, действительно наилучший вариант из существующих – полный список с выносками на полях, с цветными раскладными картами в несколько сгибов. Помощник капитана предсказуемо не потащил сокровище в свой сундучок, а предъявил Вико, как законный трофей «Гарды», с боем взятый у самого нэрриха...

– Утром встанем на якорь в бухте острова Чайки, – отметил Вико, рассматривая трофей. – Надо же, капрский список, он впрямь на вес золота. Молодец, помощник.

Ноттэ не стал слушать дальше, поклонился и ушел в каюту. Зоэ по-прежнему спала. Сам нэрриха устроился на тюфяке и тоже постарался заснуть. В глубине души он надеялся снова увидеть мотылька и ощутить робкое преддверие счастья – щекотку невесомых лапок крылатого чуда на раскрытой ладони. Но мотылек улетел, рука была пуста, она лишь гладила ветер, невидимку с растрепанной шелково-прохладной гривой... Ветер рвался вперед, пока не обернулся скакуном, способным домчать до самого дальнего и сложного ответа. Непокорный, норовистый конь-ветер упруго отступал под ладонью, уворачивался и гарцевал, не даваясь в руки. Но все же оставался рядом, не уходил и не вынуждал снова висеть в пустоте небытия. Ноттэ следовал за своим ветром, издали рассматривая корабли людских душ, их паруса, на-

полненные дыханием снов. Даже мельком заметил Зоэ. Маленькая плясунья босиком шагала по ряби лунных бликов. Волосы распущены, сама худенькая, в жалком застиранном платье. Лопатки выпирают крыльями, ключицы тоньше прутьев и обтянуты кожей. В руке надкушенное яблоко, в кармане – здоровенный ломоть лепешки с мясом. Даже такая, она шла – наполненная. Взгляд, раз поймав фигурку на волнах, не мог уже продолжить бег. Скакун-ветер влился в облачный табун. Ноттэ отпустил его без сожаления, и сам помчался догонять Зоэ. По воде идти было сложно, он увязал в волнах все основательнее, глубже, но продолжал упрямо продвигаться.

– Эй, ты спишь?

– Доброе утро, Зоэ. Ты во сне ела яблоко?

– Если б только яблоко, – пожаловалась девочка, упираясь острым локтем в живот нэрриха. Видимо, идея отсутствия пупка не утратила оригинальности, и теперь малявка пыталась продавить его. – Бобы, креветки, маслины, лепешки, селедку... Я ела все, что мне не давали прежде, а я так хотела отведать! Теперь я знаю, что это такое: быть сытой аж за глаза.

– Не слышал ничего подобного.

– Ну, мне больше не хочется есть ни наяву, ни во сне, – улыбнулась девочка. – Это здорово. Ноттэ, а зачем я нужна тебе? Вернешься ты за мной – и что?

– Не знаю, не думал. Увезу и позабочусь, чтобы никто не нашел тебя. Ни Башня, ни иные нэрриха, вроде Борхэ. Других целей у меня нет.

– Совсем?

– Совсем.

– Меня можно удочерить, просватать, сдать в работницы, – нахмурилась Зоэ, перечисляя и улыбаясь, то есть не веря ни в одну из названных частей.

– Ты очень обидишься, если я честно скажу, что считаю тебя случайной обузой? Даже невесть откуда взявшимся долгом. Я не знаю, в чем мои обязательства и почему я ощущаю их.

– Не-е, не обижусь. Ты не врешь. Спасибо. Я буду ждать тебя, кого мне еще ждать-то? Ты надежный. Вот...

Она дернула плечом – понимай, как сможешь. Сама вижу, что обуза, а отпустить не желаю, даже на словах. Нэрриха рассмеялся и спихнул с живота локоть. Потер кожу, ощущал – дырка пупка уже наметилась. Зоэ помогла замотать пояс. Толкнула дверь и выбежала на палубу. Вроде и не танцует, – отметил Ноттэ, улыбаясь.

Он долго смотрел, как девочка гибко двигается, как подставляет ладони ветру. Низкое утреннее солнышко наполняет горсти алым сиянием... Такой Ноттэ и запомнил малышку, такой она и осталась на берегу острова Серой Чайки четыре дня спустя.

Люгер покинул бухту, а нэрриха всё стоял на корме

и всматривался в силуэт, нарисованный алым солнышком, черно-золотой. Глаза слезились, щурились... Но снова и снова упрямо искали крохотную фигурку. Пена волн взблескивала перламутрово-рассветно, скалы казались облиты свежестью, с них постепенно испарялось туманное сияние новорожденного дня. Отчетливо видна в бликах и мареве утра была лишь Зоэ, одна-единственная и даже уникальная загадка острова Серой Чайки, новое найденное в странствиях чудо мира, состоящего целиком из вопросов.

Нэрриха знал: Зоэ – особенный вопрос, её наличие в мире не вызывает ни раздражения, ни протеста. Она живет – и это естественно, правильно. Как танец, наполненный смыслом и душой. Может, люди не силком и обманом тянут нэрриха в мир? Может, дети ветров сами охотно ступают в туман бытия, увлеченные обещанием тепла. Внезапно возжелав родиться, они, как мотыльки, упрямо спешат к огню, полные жадной разгадать извечные загадки...

Глава 4. Башня и её тень

«...запас силы, имеющей много названий, но знакомой, как в моем случае, даже без всякого обозначения. Допустим, я приму трактовку Башни и определю эту силу, как раха, – порыв ветра, отрезанную прядь могущества. Согласно подсчетам Рудольфа Темного от срезания до иссякания раха проходит 500—600 лет активной жизни. Он же, будучи одним из нас, смог сформулировать принципы конденсации раха из внешних источников. Таковые пути доступны лишь нэрриха высоких кругов опыта. Увы, продвижение Рудольфа к истине прервала нелепая случайность – точнее, полоумный фанатик... Но минувшие двести тридцать лет позволили мне восстановить если не сами утраченные фрагменты записей, то хотя бы их логику. Бессмертие – мечта королей и грандов Башни. Еще два-три десятка лет, и я смогу торговать бесценным товаром, пусть и более скромным, зато имеющим понятную цену и создающим постоянную в себе потребность. Положим, будет так: один флакон – десять лет жизни сверх отпущенного. По истечении оплаченного времени будет снова торг, и снова оплата, и снова страх смерти, работающий на меня... О, истинная власть, как ты удобна! Ты – тень за тронами королей, я – фигура в тени. Без тумана мистики, все рационально и измеряемо. Я, великий Борхэ, сын грозы, куда более, чем Бог! Его власть

незрима, моя будет – весома и ошутима. Остались последние проверки. Я ухвачу ветер перемен за гриву, он не вырвется. Вечность ляжет к моим ногам послушной собакой».

Берег Серой Чайки давно истаял вдали, скрылся за линией горизонта. Волны дней качали «Гарду», на спинах несли к берегу... У времени коварная природа: порой оно – вязкое болото скуки, одолеваемое с немалым трудом, пустое, кажущееся бескрайним... Но в самый неподходящий миг рядом вдруг открывается грохочущий водопад непредвиденного!

Времени или слишком много, или недопустимо мало, средние состояния редки и доступны, пожалуй, лишь всезнающим мудрецам. Ноттэ усмехнулся, подставил лицо родному ветру, сегодня лишенному порывов, спокойному. Упрямому: он тащит и тащит люгер к берегу, хотя нельзя спешить, не разобравшись с наследством Борхэ. Его записи, как понятно по уже прочтенному и первично осмысленному – безмерно опасны. А день так спокоен, черед мелких волн лоснится в неярком свете, проникающем сквозь облачную ткань. «Гарда» плавно режет серо-сизый шелк поверхности, рулевой задремал от безделья. Команда опасливо наблюдает за капитаном, борющимся со скукой давно выработанным способом.

– Дальше, – зевнул Вико, прикрыл глаза и уточнил: – Паррада.

– Так... ну... в общих чертах если, – замялся Бэто, робко

глядя обложку дареной лоции.

– Лоцмана на борту нет, брать чужаков мы, гончая Башни, не всегда вправе, – укорил капитан. – Так какого лысого беса ты краснеешь и сопишь, словно девка, облапанная в толпе, за что не след? Ты в порт Парады ночью при юго-западном ветре входить будешь тоже – в общих чертах? Или, вроде нэрриха, по водичке побегаешь и колкие мели прощупаешь пятками?

– Ну...

– В Параде при юго-западном, как раз десять лет назад, он сам брал лоцмана, – Ноттэ отвлекся от бумаг и охотно выдал тайну. – Ночью из постели выволок за бороду.

– Выволок... капитан? – поразился Бэто.

– Пассажир, – поморщился Вико, нехотя признавая прошлое. – В дело встрял этот же языкатый еретик, что вздумал теперь лезть в обучение моего помощника. За борт таких, и весь сказ. Сам сидит кислее уксуса и мне застит радость.

– Уже молчу, – пообещал Ноттэ.

Он снова погрузился в чтение чужого дневника, морщась от неприязни. Гной грядущей беды надувался нарывом, полнил душу болезненным предчувствием. С чего нэрриха Ноттэ возомнил, обманутый отсутствием достойных спорщиков, что подобные ему – именно подобны? Приходят из небытия, откликаясь на зов. Получают тело, настоящее во многих отношениях – способное ощущать боль, холод, жажду. Обретают рассудок. И вместе с ним безрассудство...

гордость, гнев, восторг, презрение – весь набор человеческого и скотского, многие нити, которые сам нэрриха переплетает – порой сознательно, а порой и безотчетно. Так, постепенно, возникает личность.

Очень давно Ноттэ ощутил, как зародилось и окрепло понимание ответа на один важный вопрос. То была даже не мысль, а хрупкое наитие: кем бы, чем бы ни были породители нэрриха – высшие силы – они лишены многого, присущего живым. Высшие не страдают от своей неполноты, поскольку её нет в ином измерении мира. Но, может статься, призрак неведомого влечет и дразнит их, втягивая в водоворот танца? Каково это – быть частью мира? Вдруг именно таков первый вопрос? Для ответа даже высшему приходится потрудиться: отрезать от целого, начисто отделить, прядь себя – и обеспечить её дарами, предназначенными для людей. Так нэрриха вручается умение оценивать: смотреть на мир и видеть нечто главным, а прочее – фоном. К тому же люди живут в потоке времени, это особенное существование, интересное для высших.

Если все так, виновны ли плясуньи хоть в чем-то? Они лишь позволяют утратить одно и обрести другое. Обменять безмятежность на нестерпимое любопытство. Стать в какой-то мере богом, создателем цельного внутреннего мира – «я». И к тому же творцом обстоятельств и ходов человеческой истории, существом, влияющим на внешний мир. Прямая плата за перемены – клятва служения первого круга, ес-

ли некто догадается и успеет её стребовать. Плясуньи редко получают выгоду от своего же танца. Сэрвэды Башни узнают о пляске слишком быстро и стараются найти нэрриха, явленного в мир. Обычно – успевают, если слуги короля не опережают их...

Но есть для нэрриха и косвенная плата – это утрата себя прежнего, поскольку у рожденных в теле нет памяти о бытии ветра.

Получается, плясуньи – мостик меж мирами, вернее, тот самый кинжал, отсекающий прядь ветра... Он, Ноттэ, долгое время по-детски хранил обиду на оружие и не пытался найти и наказать того, кто направлял удар и использовал ритуал в корыстных целях. Нэрриха – несравненные воины. Пока они служат, связанные клятвой, они безмерно надежны. Но, исчерпав долг найма, затаившие обиду нэрриха становятся главной угрозой для бывших хозяев. Не зря Башня следит за детьми ветра по мере сил людских! Стараются одних вознаградить, объявив своими клинками воздаяния, а иных, упрямых, наказать и ущемить. То есть в конечном счете создает хрупкое и фальшивое равновесие интересов, основанное на противопоставлении нэрриха друг другу, игре на их слабостях.

Вот пример. Ноттэ, нэрриха с солидным опытом седьмого круга, пожелал разобратся в грязной истории отравления любимого учителя. Башня знала: Ноттэ, сын заката, уже убивал своих сородичей, но в последнее время притих... Гран-

ды ушли и то, что Ноттэ давно странствует, он отвык от политики и королевских дворцов, а потому вполне наивен в нынешних интригах. И вот уже посланец Башни доставил Ноттэ сведения о виновнике смерти учителя, а с ними заодно – дозволение убрать из игры заказчика давнего убийства. По занятному, но в тот момент неинтересному для Ноттэ стечению обстоятельств, заказчик был претендентом на сан патора. Разгневанный нэрриха наказал его, и лишь тогда люди Башни назвали имя исполнителя и дали весомые доказательства того, что нэрриха Борхэ виновен.

Сейчас выясняется, что у Башни есть весомайший интерес в устранении Борхэ. Именно этот нэрриха вздумал торговать бессмертием.

Оглядываясь в прошлое уже без гнева и боли, временно ставший клинком Башни Ноттэ не может не понимать: его опять использовали вслепую... Башня, со свойственным ей хладнокровием, разрушила притязания Борхэ чужими руками. Гранды убеждены, что Ноттэ утратил интерес к делу, завершив свою месть. Значит, он, весьма честный в любом найме со своим нанимателем, передаст сундук и записи покойного, особо в них не копаясь. Иначе сам окажется под ударом и подставит нынешних своих друзей...

- Не будет сегодня улова, – громко посетовал капитан.
- Почему? – напоказ удивился Бэто, опознав игру.
- Глянь: нэрриха хмур! Пряма черная ураган, чье брюхо

набито отборным градом, как селедка – икрой. Рыба учует погоду его души и уйдет на глубину. Рыба – она не дура... Дураки мы. Куда нырять с палубы, ежели берег далече? Мы терпим. Смиренно.

– Смиренно? – восхитился Ноттэ, закрывая дневник и убирая в сундучок, под замок. – Вико, что ты знаешь о смирении? Ты для этого словца или слишком стар, или слишком молод.

– Ага... в точности не выяснено. Ну, иди сюда, покумекаем, седины мои учтем. Бэто, что замер? В дрейф «Гарду», лодки на воду и вперед за рыбой, покуда я забалтываю двуногую непогоду. Для такого дела требуется пустая палуба. Ясно?

– Да.

Помощник помрачнел, будто и его накрыла тень обещанной бури. Кому приятно быть изгнанным во время обсуждения тайны? Свое неумение молчать Бэто уже осознал, огорчение пережил и теперь хмуро исполнял указания капитана: не слышать лишнего самому и дать вдоволь шума иным ушам.

Нэрриха встал к штурвалу, почти касаясь локтем Вико. Капитан ворочался и ворчал в любимом кресле. Ноги уже неплохо держали его, но правое колено гнулось неохотно, а сверх того приобрело коварную особенность: подламывалось при резком движении, роняя тело... Это, полагал нэрриха, временное недомогание. Клинок Борхэ прошел под

нижними ребрами и разрезал позвоночник, удар не оставил надежды на жизнь. Но чудо состоялось, пусть не без осложнений. Есть ли смысл жаловаться капитану – выжившему, по-прежнему управляющему любимым кораблем?

– Что за беда? – буркнул Вико. – Ты на себя не похож.

– Не отдам записи, весь люгер по дощечке разберут и вас порежут на ленты, выясняя до последнего слова, что было и чего не было.

– Так не дури, отдай.

– Тогда начнут уродовать подобных мне, сознательно вызывая в мир и уничтожая еще младенцами. Людей станут морить. Плясуны сделаются выгодным товаром, это тоже неизбежно.

– О чем же мы станем советоваться?

– Кто приедет за бумагами, вот первый вопрос. Откуда, и куда проследует далее. Мне требуется угадать эти детали. То ли направятся в обитель Серебряного Света, то ли еще куда.

– А-а, – протянул капитан с насмешкой. – Я-то было решил, ты хочешь помолиться и попросить высших о помощи.

– Открою тебе секрет. Я сам додумался: у высших нет ушей. Бормотание молитвы им – что пена у корабельного носа. Мякина, шелуха, тьфу, как сказала бы малышка Зоэ. Души не словами излагают просьбу, единого надежного пути общения нет. Каждый сам его пробует найти, вслепую. Пляска ничем не хуже пения или молитвы. Жил бы огонь

в душе, а прочее приложится.

– Да ты еретик!

– Для нэрриха и это допустимо при должном навыке фехтования.

– Бэто! – рявкнул капитан, не оглядываясь.

Помощник бегом примчался от трюмного люка, куда загнал всех, не отосланных на рыбалку – громко учитывать припас и не иметь даже призрачной возможности услышать опасный разговор.

– Здесь.

– Постой у дери моей каюты. Дела у нас, тебе...

– ...ясно, – подсказал помощник последнее слово приказа.

Вико рассмеялся, поднялся и побрел, приволакивая правую ногу и осторожно опираясь на неё, готовую нехстати подломиться. Нэрриха открыл дверь, пропустил капитана и сам шагнул следом, оглянувшись на Бэто, вставшего на указанном посту – в двух шагах, спиной к каюте.

На большом столе капитан разложил слоями три карты побережья и страны, самую подробную разместил верхней. Наклонился, опираясь на локти, и задумчиво уставился в подробный рисунок домиков и троп у берега.

– Порт Мара. Яснее ясного наконец-то, почему именно тебя наняли. Всякий бы хапнул записи без рассуждений. Окромя тебя, я за тридцать лет на «Гарде» еще четверых доставлял, кого людьми не числю. Рослый рыжий любит денеж-

ки. Старый толстый всюду примечает заговоры, даже комаров числит доносчиками. Молодой смуглый так любит себя, что и не передать. Эти хапнули бы сундук и не пожалели нас. Они бы любой свой долг перед Башней ей же и простили. Ты иной, неумный, забиваешь башку мыслишками о чести и душе... Ну, еще есть Оллэ, толковый он, вроде тебя. Или – был?

– Оллэ из нас старейший. Пока что в его отношении, увы, я склонен полагать второе, он... был. Черные долетели вести, – вздохнул Ноттэ, прочертил пальцем линию на карте. – Прямой путь к патору мимо военного порта короны, вплотную. Долго и приметно.

– Мара – тот еще узелок. Пойди развяжи... А если лодкой через речное устье и на эту дорогу, глянь. Аккурат в два дня до обители Искупления, если не шадить коней. Или сюда, главным торговым к югу:людно, шумно, аккуратно сойдет при твоём неумении резать без разбора.

Вико остро глянул на нэрриха и снова уткнулся в карту. Его ведь спросили, куда двинутся гранды, а вовсе не как бежать из порта самому нэрриха...

– Ненадежно. Столицу исключаю, там прятать тайны – то же, что на площади пересказывать их в крик и надеяться, что все заткнули уши.

– Тогда перевал, – Вико тяжело вздохнул. – Я бы первой указал каменную тропу, выбирай ты дорогу себе. Но не стану: она – смерть. Теснины, скалы, просматривается все, ес-

ли загодя позаботиться о пригляде. Поранят тебя да скрутят, и все дела. Так что бери дневники и прямо теперь – в лодку. Деру дать иной раз не во вред.

– Ты забываешь, есть еще и Зоэ. Я попался, обзавелся на какое-то время якорем, дав слово вернуться. Она не жжет лампаду у окна, но я ощущаю её взгляд, разыскивающий парус на горизонте. Уже который день – вроде нитки, под лопаткой дергает, тянет. Если что, ты уж...

– Когда виноград позднего сбора повезут в давилъни, «Гарда» направится к Серой Чайке, и это самый крайний срок для закладки нужного курса, слово капитана.

– Спасибо.

Ноттэ помолчал, еще раз прощупывая пальцами тропки и большие дороги, черными нитками расплзающиеся от узелка-порта. Он живет достаточно давно, чтобы щупать бумагу – а мысленно проследивать путь в его в точных, мелких подробностях. Каменная тропа опасна, капитан не пренебрегает угрозой. От обозначающего её следа пера, тонкого, как волос, веет безнадежностью. Теперь, когда люди знают порох, горы сделались ловушкой. И даже без взрывов: справа пропасть, слева – склон, а толпы любопытствующих валунов клонятся над бездной, готовые скатиться и познакомиться с путником, шепни он хоть что в полголоса.

– Мы должны войти в порт на закате, устроишь?

– Несложное дело. Иди, отдохни.

Нэрриха кивнул. Прошел к себе, прихватив ларец. Снова

стал перечитывать дневники, решительно вырывая наиболее опасные листки и внося пометки на полях. «Изъято мною» – и подпись... Трудно лгать умным, толковым людям. Конечно же, он не втравит в дело капитана и его команду. Просто потому, что это бессмысленно. Само собой, он не передаст записи в полном их виде. Бессмертие – пустой звук, фальшивая приманка на крюке злого рока. Оно ослепляет властных, жадных. Лишает последних крох рассудка. Нельзя нарушать порядок вещей, заведенный от начала времен.

Зачем обретают бытие нэрриха? Даже им самим неведом однозначный ответ. Выбрав удобный вариант, – «чтобы жила» – маджестик и его паторы могут натворить непоправимое. Учитель однажды сказал: никто не ведает, что станется с ветром, если срезать все его пряди и не дать отрасти новым. Может, повиснет на волоске само бытие рода людского.

Однажды, если верить легендам, смертные возомнили себя богами. Те люди остригли водяную бороду... Их земли теперь лежат глубоко на дне морском. Их дела забыты, и даже полное имя народа не уцелело после страшной расплаты по последнему счету.

– Меня назначили мертвым сразу, при найме, – зло бросил Ноттэ, вырывая еще один листок. – Шваль, до чего заигрались! Меня – мертвым. Должны знать, чем заканчиваются подобные игры. Убивая меня, мечтать о бессмертии? Они не в уме... Плохо, очень плохо. Безумцы опасны вдвойне. Отдам я бумаги или нет, все решено. Надеюсь, Вико поосте-

режется лезть в дело. Он уже понял: я ищу не пути движения людей Башни, а способ самому спастись из Мары. И он прав: в горы я могу полезть только в крайности. О чем я думал, соглашаясь на этот порт? Мальчишка. Самоуверенный надутый нэрриха.

Ноттэ сгреб листки, бросил в миску на столе, поджег и проследил, чтобы не уцелел ни единый клочок. Вышел на палубу, перевернул миску. Черные бабочки сожженной бумаги запорхали по ветру, сели на воду за кормой. Моряки молча проводили их взглядом и вернулись к своим делам. Ноттэ закрыл дверь и по привычке лег на пол, слушать воду и отдыхать. Теперь он один во всем свете знал содержимое записей Борхэ, нанесенных на сожженные листки старым, полузабытым шифром.

«Если не пополнию раха, я обречен. Они обещали послать в погоню мальчишку первого или второго круга. Недоучку, годного для моих проверок и свежестью среза пряди силы, и неопытностью в драке. Я отберу у него раха, стану непобедим. И тогда назначу цену за флакон жизни для избранных.»

Эти записи Ноттэ не сжег в отличие от описания принципов «конденсации раха». В бравате Борхэ, в его нелепых утверждениях, заполняющих несожженные листки – лишь самоуверенность и самообман. И доказательство подлости

Башни: Ноттэ уж точно не мальчишка первого круга, он обладает опытом, на его пути давно стараются не вставать, сполна изучив обманчивость невысокого роста и почти хрупкого сложения сына заката... так он сам себя назвал однажды.

Выбрав для преследования Ноттэ, Башня предала Борхэ: преследователь был отослан не подставляться под удар, но именно убивать.

Ноттэ оскалился от злости. Ему пообещали в оплату дар, дорогой для души – допуск в старые архивы, к дневникам учителя. Нэрриха не знал, что те записи уцелели, их обнаружение показалось чудом, добрым знаком. На поверку же всё было – обманом. Тот, кого полвека нет в мире, не даст ответов из могилы. Горечь копится, берedit старую рану. Учитель обладал красивой сложной душой, он повторял не раз: ответы внутри тебя, не ищи их вовне. Словно знал, что однажды желание получать ответы будет кем-то сочтено слабостью и использовано...

Вечер лег на воду розовый, приглушенный слоями облаков и занавесями тумана. Паруса перламутрово светились, они ловили не только западный ветер, но и закат, уподобляясь вялым, складчатым лепесткам огромной розы. Ветерок не имел сил наполнить их жизнью, заставить гудеть, и закат путался в рыже-багряных складках, словно роза уже увяла, не найдя питания в затхлой воде гавани...

Гранд не пожелал ждать на берегу. Три лодки подошли

к «Гарде», встали клином. Пожилой человек в багряном плаще поднялся на борт, не удостоив взглядом капитана Вико и его команду. Указал пальцем на сундук, затем на свою лодку, требуя немедленной погрузки. Смерил взглядом нэрриха, презрительно кривя губы и готовя отговорку. Если такая понадобится.

– У вас нет обещанного мне дара, – ровным тоном предположил Ноттэ. Подхватил сверток с эстоком и дагой. – Башня попала в должники, к тому же допустив ложь? Это было бы неприлично, но я предусмотрел и заранее исправил сию неловкость. Содержимое сундука лишено важной части. Итак, договор нарушен обеими сторонами, следовательно, он утратил силу. Плата не будет испрошена мною, сыном заката.

– Какого черта...

– Не богохульствуйте всуе. Пепел не расцветет словами, отданными огню и морю. Но я изложил на бумаге всё, что считал важным. Теперь откланиваюсь.

Сундук уже переместили на лодку. Гранд поморщился, принял листки, свернутые в кольцо и перевязанные лентой. Забрал такие же у капитана и Бэто. Жестом приказал личному сэrvэду, и тот выверенным движением извлек из складок плаща приказ. Вручил капитану Вико. Значит, исключая сплетни, «Гарду» отправляли в путь немедленно, и личный секретарь гранда оставался на люгере пассажиром, чтобы допросить команду и составить полный отчет.

Всё пока что в рамках ожиданий. Ноттэ шагнул к борту, спрыгнул в лодку гранда, прошел до её кормы, прыгнул на соседнюю, вымерял шагами и её длину, снова поднялся на край борта, оттолкнулся сильно и резко...

Берег близок, он достижим для опытного нэрриха, спешащего покинуть порт. Ноттэ прыгал с волны на волну. С каждым рывком приходила мысль.

Он сказал капитану, что намерен преследовать гранда Башни. Он указал путь, удаленный от моря. Зачем? В надежде унять пыл Вико, упрямого сверх меры.

Капитан заявил вслух, что ничего не должен, что жизнь оплачена брошенной веревкой... Но кто верит порядочным людям, когда они состязаются в благородстве?

Последний шаг по воде – седьмой – утопил Ноттэ выше колена, пришлось некрасиво падать вперед, цепляясь за доски пирса. Нэрриха подтянулся, поправил мокрую рубаху и заспешил прочь, снова ощущая себя свободным и бесприютным, как ветер. Пойманным и обманутым, как... как нэрриха.

Ноттэ усмехнулся и поправил себя: он опытен, он ловко вывернулся из ловушки и... следует в пасть нового капкана. Однозначно он уверен лишь в одном: прямо здесь, на берегу, брать не станут. Море слишком огромно, пойди выуди нырлящика. Если бы не «Гарда» за спиной, если бы не Зоэ на острове – он бы нырнул. И ну её, эту гордость!

Можно жить в стороне от суетных людских дел. Тогда

не тронут, не нарушат покой размышлений: просто забудут о тебе, и довольно скоро. Но есть ли смысл в самообмане? В какой-то момент приходится признать, что ценные вопросы не множатся в тишине. А тебе, оказывается, давно уже нравится копить вопросы, добавляя новые в непосильную грудку, на грядущее обдумывание...

Припортовые улочки давно избавились от бликов заката, в их узких руслах преет ночь без лунных отсветов и фанарных бликов. Гниловатые доски настилов не скрипят под мягким башмаком. Беззвучное дыхание не нарушает тишину. В тумане копошатся лишь посторонние отзвуки: кошачий мяв у кучи с рыбьей требухой, пьяное пение-бормотание за дверьми дешевых гостерий, хруст перетираемого конскими зубами ячменя, скрип флюгеров...

Нэрриха ощутил себя плывущим в настое лживого покоя, опасном, как прибрежная вода, где всякая рыба – на виду, хотя сама и не осознает уязвимости. Он – знает, потому спешит и петляет, путает след. Проверяет, нет ли близкой погоны.

Впервые за много лет Ноттэ ощущал себя дичью, это подзабытое с ранних кругов опыта чувство угнетало. Нет в нынешнем взрослом Ноттэ прежнего юношеского азарта, упоения силой или удачливостью, детской уверенности в правоте. Только глухое раздражение болезненно скребет душу: ты пообещал Зоэ защиту, а сам попался в ловушку и не властен над собственной судьбой. Впрочем, страх смерти – это

слишком человеческое. Чужое. Страх боли ближе и понятнее, но даже он куда как слаб в сравнении с возмущением. И гордостью, конечно же. Именно она, – кому же еще такое под силу – толкнула на путь самонадеянности. Посоветовала войти в порт Мара на люгере, глянуть остро и насмешливо в глаза гранду и, поселив там страх, пересечь темную гладь воды, чтобы сгинуть на суше, в глухой ночи. Раствориться призраком на виду у наблюдателей, а их вокруг – немало...

– Мальчишка, – Ноттэ еще раз шепотом отругал себя.

Впервые в жизни собственная бравада выглядела не величественно, а всего лишь глупо. Зоэ осталась на острове и ждет. Маленькая, беззащитная. Для неё происходящее – не игра, хотя некоторые лезут в герои, дразнят смерть. Да ладно бы смерть! Зная так много важного, следует опасаться скорее уж – жизни. У грандов в Башне есть опытные люди, умеющие спрашивать нудно, ужасно нудно и больно. Однажды он испытал это на себе и зарекся повторять.

Мара – худший из портов этого берега с точки зрения бегства. Городишко прижат к невысоким горам, частыми засухами лишен виноградников, очищен от зеленой корки больших и малых лесов. Здесь – только камень, домики в один ярус с плоскими крышами, огородики ничтожных размеров, глубокие колодцы с солоноватой водой. Межевые ограды целиком состоят из камня, выбранного из плодородной почвы усердным трудом многих поколений... Городок и порт ограничены и просты настолько, что любой запутанный след вы-

ведет в конце концов в одно из трех-четырёх узких, неминуемых мест. То ли дело южная Парада, лежащая в трех сотнях лиг отсюда. Мечта для беглеца: лабиринты пещер, путаница припортовых трущоб, леса, настоящие горы, способные скрыть надолго... Увы, гранд еще весной настоял на Маре, а нэрриха не заметил расставленной впрок ловушки. Он ведь еще не знал, что именно прочтет в дневниках Борхэ. И – оказался здесь. Заметный, как единственное дерево в голой степи.

Как выбраться? Какую тропу предпочесть? Именно неприметные обходные пути старался вспомнить Ноттэ, рассматривая карту тогда, в капитанской каюте. Сразу счел опасным направление на север, в сторону главных владений Башни. Отказался от идеи спрятаться в горах: каменные осыпи востока непредсказуемы. Не отсидеться и в порту: он мал и будет патрулироваться плотно, старательно. Капитан, пожалуй, и это понял, потому осторожно намекнул на переправу и южную дорогу к столице. За рекой – пологий берег. Отшатнувшиеся от моря скалы уступают место долине, россыпи поселков, лесочкам и даже озеру...

Городок удалось покинуть так тихо, что в душе шевельнулась надежда на лучшее. Даже для опытного нэрриха непросто прятаться в чахлой поросли, среди насыпных огородиков, обнесенных каменным вывалами по бедру высотой, а то и ниже. Погоне, если она есть, подобное не по силам. Туман сделал бесполезными наблюдателей с лучшими подзорными

трубами. Повезло? Как сказать... Родной ветер расстарался, что не вполне случайно. И благодарный Ноттэ использовал помощь: скользил, полз, замирал, вслушивался, снова крался.

Ночь хороша уже тем, что делает безопасными лучников. Спрятаться здесь непросто, удобные для засад места Ноттэ примечал заранее и обходил, а издали выцеливать нэрриха – ну, пусть пробуют, даже занятно... Караулить возьмутся там, где и сам он выставил бы заслоны, – полагал Ноттэ и надеялся: пока что на его стороне выигранное в городе время и усталость наемников, отупевших от долгого ожидания. Прибытие «Гарды» исходно ожидалось дней десять назад, к указанному сроку и устроили засады, затем сняли и переместили, снова задействовали. В два дня любой человек способен натоптать тропку и обжить место так, что его выдадут след, запах, встревоженные птицы. Порт мал, вооруженные чужаки не могли появиться здесь незамеченными. Но в гостериях гуляют буднично. Значит, угроза преувеличена? Или наоборот, подготовка со стороны Башни проделана с изощренной точностью, в самой полной мере.

В зарослях несколько раз попадались следы присутствия людей, но все – не сегодняшние. Башня, желая поймать нэрриха, перехитрила себя? Пока выходило именно так. Ноттэ удалялся от порта, не меняя осторожного и предельно внимательного настроения. Вот уже три лиги отделяют его от причалов, еще три остались позади...

Склон сгорбился, каменное крошево под ногами сменилось жирной приречной почвой. Впереди задышала вода, зажурчал знакомый ручеек. Единственный в этих сухих горах, тонкий, как нить, он вплетался в главное русло у глубокого места, не самого удобного для переправы и обычно – безлюдного.

– Я выиграл пятьдесят золотых, поставив на этот преотвратный сход к воде, – сообщил голос из зарослей.

Ноттэ процедил огорченный выдох сквозь сжатые зубы, не разгибаясь, огляделся и дернул узел на свертке с оружием.

– Кортэ, – опознал он. – Что, хорошо платят?

– Три тысячи золотом за живого, целое состояние, – охотно отозвался плотный мужчина, вставая во весь свой немалый рост. – Скажи, где получить половину суммы, и я убью тебя. Согласись, я делаю выгодное предложение.

– Неужели откажешься от второй половины? Ты? – поразился Ноттэ, успевший в два движения освободить из свертка эсток и дагу.

– Все мы взрослеем со временем, – предположил крупный мужчина, добывая из тайника тлеющий фонарь. Он мигом открутил фитилек, сняв темную крышку. Бешеная рыжина волос, особенная и редкая для нэрриха примета, стала видна при возросшем свете. – Тебя вредно числить во врагах.

– Сигнал ты уже подал, слова сделались пусты, – усмехнулся Ноттэ, обнажая клинки и позволяя себе короткий про-

щальный взгляд на любимый эсток, много лет признаваемый лучшим из лежавших в ладони. – Люди далеко?

– Столько-то я продержусь, – осторожно пообещал враг, косясь на воду.

Он двигался по дуге, предельно вытянув руку с рапирой, кончик которой едва приметно подрагивал. Движение было скользящее, быстрое: вперед ни шага, все время вбок и даже назад, так, чтобы сместиться на тропу и загнать противника к воде. «Поставить спиной к реке, вывести под удар дальнобойного лука», – довершил Ноттэ логику происходящего, послушно поддаваясь на простенький трюк. Хотя бы потому, что на берегу спасения нет... Для нэрриха не смертельны многие раны, опасные человеку. Но удар граненого жала стрелы в незащищенную спину сделает ночь окончательно темной. Нескорое утро настигнет в подвалах Башни, где умеют спрашивать так, что смерть становится благом. Недостижимым.

Ноттэ оскалился. Его использовали, как мальчишку. Кто еще смог бы сразу прочесть старый шифр? Из нынешних, если Оллэ вне расчета, то, пожалуй, – только он, знаток наречий и поклонник каллиграфии. Кто мог вырвать тайну Борхэ, осознать ее размер и все же явиться в порт назначения, сберегая жизни и покой команды люгера? Кто, наконец, сопоставил бы полученные знания со своими мыслями и личным опытом? Кто, найдя недочеты и намеренные ошибки в теории, выстроил бы более надежную её версию...

А затем глупо, бесконечно глупо не учел коварство Башни. Одно обнадеживает: Кортэ молод – всего-то, если время не внесло поправок, третий круг.

Похрустывание натягиваемой тетивы Ноттэ не услышал, но уловил всем туманом глухой враждебной ночи. Воспринял, как направление внимания. Посредственный боец от одаренного отличается числом глаз... на затылке, – так любил повторять один из наставников. Ноттэ наметил простой прямой выпад, качнувшись вперед, тронул эстоком клинок врага, позволил оружию начать разговор с сухого презрительного шипения. Сократил дистанцию до наименьшей безопасной. Тетива на миг смолкла перед гудением.

Ноттэ, выждав полмига, обозначил готовность поднырнуть под оружие противника, вычертил кончиком эстока выюн, заплетая длинный и довольно легкий клинок врага. Кортэ отреагировал предсказуемо, отступил, заподозрив угрозу потери рапиры. Его опыт не позволял фехтовать на равных. К тому же намерения были иными: тянуть время, а никак не рисковать шкурой... Ноттэ качнулся вправо, пропуская стрелу впритирку к ребрам, через ткань рукава. Согнулся вбок и вниз, отклоняя рапиру хрипящего от боли Кортэ, который сам и поймал удар граненого наконечника. Ноттэ уже пластался по влажной траве, скатывался вниз, одновременно переходя в плавному, четко контролируемому дыханию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.